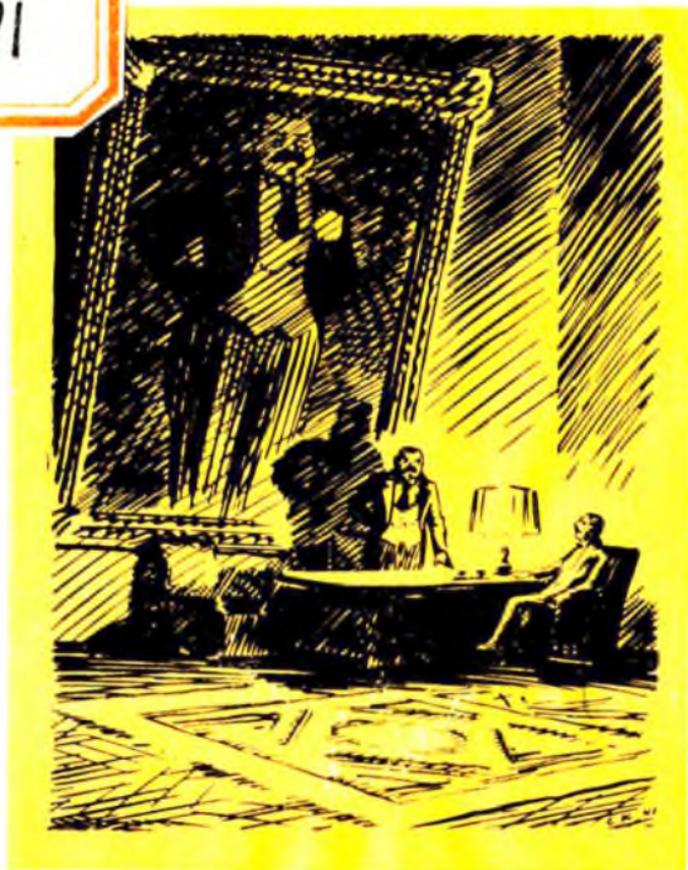

28171

ОКТАВ МИРБО

НАЖИВА

• ИСКУССТВО •

Октав Мирбо

НАЖИВА

КОМЕДИЯ В ТРЕХ АКТАХ

**Перевод
В. ФИНКА**

1941
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
„ИСКУССТВО“
Москва — Ленинград

Расп. ГУРК № 411/40/г.

Обложка художника С. Кованько

Действующие лица

Исидор Леша¹ — крупный делец.

Мадам Леша — его жена.

Жермэн — их дочь.

Ксавье — их сын.

Люсьен Гарро — служащий Леша.

Фэнк } инженеры-электрики.
Грег }

Фонтенель — управляющий.

Маркиз де Порселль — обедневший аристократ.

Жюли — горничная.

Садовник.

Лакей.

Гости.

¹ Фамилия Леша произносится с ударением на последнем слоге.

Акт первый

Терраса замка. На заднем плане видны поля, холмы, освещенные солнцем. Мадам Леша сидит в большом пивом кресле, обложенная подушками. Она вяжет. Жермэн лежит на кушетке с раскрытой книгой на коленях. Она задумалась, устремив взгляд вдаль.

Мадам Леша. Жермэн, почему ты все молчишь?

Жермэн. Должно быть, говорить не о чем.

Мадам Леша. Довольно тебе читать.

Жермэн. Я не читаю.

Мадам Леша. Мечтаешь?

Жермэн. И не мечтаю.

Мадам Леша. Что же ты делаешь?

Жермэн. Ничего. Скучаю...

Мадам Леша. Опять свое! Поговорила бы со мной, вот и было бы тебе веселее. Который час?

Жермэн. Шесть.

Мадам Леша. Шесть часов? Уже? Как время бежит!

Лакей входит из вестибюля, спускается по лестнице и подает на подносе телеграмму.

Что это?

Лакей. Телеграмма, сударыня.

Мадам Леша. Телеграмма? От кого бы это могло быть? Как только я вижу телеграмму, у меня сразу в животе схватывает. Подождите. Из Остенде... (Дочери.)

Это от твоего брата. (*Читает.*) «Приеду завтра утром. Ксавье». (*Лаксю.*) Чего вы здесь торчите?

Лаксей уходит.

Завтра... в день гонок?! Тут что-то неладно. Во всяком случае не от избытка нежности торопится он к нам. Бьюсь об заклад, за доставку телеграммы он не заплатил. (*Рассматривает телеграмму.*) Ну, конечно. «Доставка с нарочным. Оплата на месте». Так и знала. (*Вдыхает.*) Ладно! Который час?

Жермэн. Я уже сказала — шесть.

Мадам Леша. Ах, да!.. Как время бежит... А отец все не едет! Меня это очень беспокоит. Ведь у него страсть приглашать кого попало к обеду... Кого-то он еще притащит нам из Парижа сегодня? Ты не знаешь?

Жермэн. Откуда мне знать? Отец мне никогда ничего не говорит.

Мадам Леша. Еще бы! Ты ему грубишь на каждом шагу.

Жермэн. Да разве он сам знает утром, что сделает вечером?

Мадам Леша. И то правда. Еще если это его сотрудники... С ними я не стесняюсь! Но если он опять притащит пять или шесть посторонних, как третьего дня... Сегодня суббота, завтра воскресенье. Наверное, придется оставить их ночевать да выдать им ночные рубашки, как на той неделе. Вот дела-то! (*Вдыхает.*) А между тем сегодня у нас почти ничего не готовили, одни вчерашние остатки. Хватит ли? (*Отвечая на досадливое движение Жермэн.*) Тебе, конечно, все нипочем. Хорошо, что ты не замужем. Славная была бы из тебя хозяйка! Ты разорилась бы в два года.

Жермэн смеется и садится на кушетку.

И чего ты смеешься? Ничего смешного нет,

Жермэн. Ты хочешь, чтобы я плакала?

Мадам Леша. С тобой нельзя говорить серьезно. (Пауза.) И что бы твоему отцу предупредить меня, когда он везет гостей! Чего проще — предупредить по телефону. Так нет же! (Снова вдыхает.) А все-таки не пойти ли зарезать цыпленка? Как ты думаешь?

Жермэн. Раз ты знаешь, что отец всегда привозит кого-нибудь, отчего бы тебе не иметь всегда лишний обед наготове? (Встала, нервно расхаживает.)

Мадам Леша. Легко тебе говорить! А вдруг он никого не привезет? Ведь может же и это случиться! Хороша я буду тогда со своим цыпленком... Как мы ни богаты, а лишних трат я не люблю. Терпеть не могу даром добро изводить.

Жермэн. Собаки съедят.

Мадам Леша. Боже милостивый! Этого не достало!

Жермэн. Ну, нищие.

Мадам Леша. Нищие? Да уж ими здесь, кажется, хоть пруд пруди. Нигде я не видала столько нищих, как у нас. Безобразие!

Жермэн. Там, где кто-нибудь очень богат, всегда есть кто-нибудь, кто очень беден.

Мадам Леша. А мы тут при чем? Это еще не значит, что мы должны кормить их цыплятами. Пусть работают!.. Вот и не будут нищими.

Жермэн. А где взять работу?

Мадам Леша. Как где?

Жермэн. Мы у них отняли все: и землю, и дома, и сады. Отец называет это — округлять владения. Кто мог, бежали отсюда.

Мадам Леша. Им заплатили!

Жермэн. А кто остался... (снимает с лепестка рова насекомое и растирает его ногой)... вот что с ними стало...

Мадам Леша. Твой отец предлагает им всем работу, они не согласны. Они предпочитают просить милостыню. Это их дело!

Жермэн. Отец предлагает им голод.

Мадам Леша. Довольно! Непостижимо! И кто только вбивает тебе такие глупые мысли в голову? (*Презрительно.*) Должно быть, Люсьен Гарро!

Жермэн. При чем тут Гарро?

Мадам Леша. Как при чем? Он вечно молчит...

Жермэн. Если он вечно молчит, как же он может вбивать мне мысли в голову?

Мадам Леша. Я знаю, что говорю. Эти молчаливики гораздо воеднее всяких болтунов. Вообще он мне не нравится, твой Гарро!

Жермэн. Мой... Почему... мой?

Мадам Леша. А потому, что он всегда торчит подле тебя. Подобаает ли молодой девушке, дочери владельца исторического поместья, болтать со служащим... чуть не с прислугой?

Жермэн. Уже и прислуга!

Мадам Леша. Чуть ли не... Я сказала: чуть ли не с прислугой. Прилично ли это? Лучше бы он побольше занимался нашим винокуренным заводом. Вот уж не знаю, где отец только выкопал его!.. Химик! Какой он химик? Новое удобрение выдумал!.. Скажите!.. Наверное, ерунда... Когда он приехал сюда, у него рубашки не было. А еще будто университет окончил...

Жермэн. Ах, мама, зачем ты такая злая?

Мадам Леша. Я не злая, я правду говорю. Простить не могу, что для этого субъекта целый павильон построили, лабораторию соорудили. Бешеные деньги! А вот я так три месяца допроситься не могла, чтобы мне починили подвал для фруктов. Слыханное ли это дело? (*Кладет работу и снимает очки.*) Который час?

Жермэн. Четверть седьмого.

Мадам Леша. Как время бежит! Сейчас отец придет. И кого только он притащит? Один бог знает. Ну, как угодно, а я резать цыплят не велю. Пусть жрут, что есть. Жермэн!

Жермэн (с досадой). Что еще?

Мадам Леша. Сходи в погреб за вином.

Жермэн. Я тебе уже сказала, что не буду больше ходить в погреб: у тебя есть прислуга.

Мадам Леша. Прислуга — все воры! Еще вчера я не досчиталась пяти бутылок. И каждый день то же самое — ума не приложу, как это они воруют? Ключи-то ведь у меня.

Жермэн. Что удивительного, когда в доме только и говорят, что о надувательстве и воровстве. Впрочем, слуги никогда не крадут столько, сколько иные хозяева.

Мадам Леша (гневно). Жермэн!

Жермэн. Ну, хорошо. Не наворовали, а нажили.

Мадам Леша. Я тебе запрещаю говорить таким тоном. С некоторых пор у тебя странная манера... Я этого не потерплю!

Жермэн. Терплю же я! С тех пор, как я стала понимать и чувствовать все, что здесь говорится, все, что здесь делается...

Мадам Леша. Молчи! Как ты смеешь? (Кладет вязанье то на стол, то в корзину и гневно мнет его.) Это ты про отца? Ну, поговорим начистоту...

Жермэн (нехотя). Нет уж, уволь!

Мадам Леша. Я требую! У твоего отца есть недостатки, большие недостатки! Я первая от них страдаю и упрекаю его... Он тщеславен, он мот, он самонадеян, он легкомыслен, он лгун... да, лгун и сумасшедший. Он часто отпирается от слова, он непрочь кого-нибудь и надуть... Все верно... Но, господи, в делах иначе нельзя! Однако он порядочный человек. Слышишь, он порядочный человек!.. А если бы даже он и не был порядочным... если бы был

самый последний из последних?.. Разве это твое дело? Он твой отец, не тебе судить его.

Жермэн (холодно). А кому?

Мадам Леша. Что?! Что ты сказала?! Да, да, можешь пожимать плечами. Знай, что его состояние нажито честным трудом. Ему, правда, валило счастье, все складывалось в его пользу,— это верно. Но, кроме счастья, нужно уменье и смелость. Он сидел в тюрьме! Но ведь его оправдали! Туго ему подчас приходилось, бедняге. Другой, менее энергичный, на его месте давно пулю бы себе в лоб пустил, а он нет. После каждого падения он достигал еще большего, поднимался еще выше. Он сам едва грамотен, а основал большую газету. Наконец, слушай: если бы твой отец был негодяй, разве он был бы другом министра?

Жермэн (насмешливо). Даже двух министров!

Мадам Леша (пристально посмотрев на дочь). Совершенно верно, двух. *(Оживляясь.)* Да, и я... своей бережливостью, своим благоразумием, своими советами, я тоже участвовала в накоплении богатства, которое ты так презираешь. И горжусь этим. Уж не потому ли, что мы из простого звания, не потому ли, что мы были прежде бедными, ты изволишь краснеть за нас? Видали дуру... гордячку... которая позволяет себе осуждать собственных родителей!

Жермэн. Пусть лучше я осуждаю, чем другие.

Мадам Леша. Это возмутительно! Ты — изверг какой-то! Если бы кто-нибудь тебя слышал! На глаза людям нельзя было бы показаться!

Жермэн. А сама ты церемонишься?

Мадам Леша. Я — другое дело.

Жермэн. Ну, еще бы!

Мадам Леша. С ума сойду! Что с тобой сегодня? Нехватает только, чтобы ты стала подстрекать прислугу к грабежу. Пойдешь ты в погреб или нет?

Жермэн. Нет.

Мадам Леша. Хорошо же! (Встает.) Я сама пойду. Пойду, несмотря на ревматизм... (с вызывающим видом)... на ревматизм, слышишь, бессердечная дочь? (Идет вверх на крыльцо.) Просто невероятно!.. Поди хоть приоденься... Если будут гости, я не хочу, чтобы ты вышла в таком виде. Скажут еще, господи прости, что мы тебе отказываем в туалетах.

Жермэн молчит.

Слышала?

Жермэн. Я и так хорошо одета.

Мадам Леша (пожимая плечами). Ну, как знаешь! Если хочешь быть посмешищем — пожалуйста. Непостижимо, право! (Уходит.)

Жермэн продолжает смотреть вдаль на поля и леса. Слева входит садовник. Одет по-праздничному. Садовник снял шляпу и неловко вертит ее в руках. Выражение лица взволнованное.

Садовник. Мадемуазель Жермэн!

Жермэн (удивленная). Жюль? Как вы вырядились! Точно на свадьбу собрались.

Садовник. На свадьбу? Разве барышня ничего не знает?

Жермэн. Ничего.

Садовник. То-то я подумал: странно, что барышня не вышла ко мне сегодня в сад.

Жермэн. Почему именно сегодня?

Садовник. А потому что... простите меня, барышня, я пришел с вами проститься.

Жермэн. Проститься? Что это значит?

Садовник. Я попросил сегодня расчет.

Жермэн. Вы?

Садовник. Да, барышня!

Жермэн. Может ли это быть?

Садовник. Решено, барышня! И подписано! Раньше

или позже, а должно было случиться. Уж как мне было тяжело!

Жермэн. Вам очень нехорошо у нас?

Садовник. Я вынужден уйти.

Жермэн. Послушайте, может быть, это только недо-
разумение? Я поговорю с отцом.

Садовник. Благодарю вас, барышня! Только не к
чему. Ведь...

Пауза.

Жермэн. Что?.. Говорите!

Садовник. Ну, так и быть, скажу уж вам все. Вы,
барышня, знаете, что моя жена беременна... Простите, что
я говорю об этом.

Жермэн. Знаю.

Садовник. Через два месяца ей рожать.

Жермэн. Знаю.

Садовник. Так вот, в этом-то и все дело. Барин не
хочет держать меня с детьми. Он мне так и сказал се-
годня утром: «Я твердо решил — не хочу иметь в доме
детей, не хочу! Дети портят лужайки, они сорят в аллеях,
они пугают лошадей».

Жермэн. Так вот в чем ваша вина!.. Куда же вы
теперь денетесь?

Садовник. Поищу места. Правда, время неподходя-
щее. Хорошие места заняты. Да еще с беременной женой.
Намучаешься!..

Жермэн. Есть ли у вас, по крайней мере, хоть сбе-
жения, чтоб дотянуть до нового места?

Садовник. Только руки.

Жермэн. Бедный Жюль! Я ничего не могу для вас
сделать. Я могу только пожалеть вас... А жалею я вас от
всего сердца. *(Встает и подает ему руку.)* Где ваша жена?

Садовник. Пошла нанимать лошадь и тележку —
вещи вывезти.

Жермэн. Неужели вам и в этом отказали?

Садовник (молча пожимает плечами). Прощайте, барышня... (Медленно уходит. Проходя мимо куста, по привычке поправляет покривившуюся палку у растения. Ушел.)

Жермэн снова села на край кушетки, очень печальная. Она машинально перелистывает книгу, потом закрывает ее. Слышится из передней визгливый голос мадам Леша.

Мадам Леша (появляясь на крыльце). Куда они все запропастились? Что они там делают? Ни души в передней. Это непостижимо! Чем больше прислуги, тем меньше толку! (Увидев Люсьена, входящего справа, останавливается.) Ах, мосье Гарро! Так рано?

Жермэн встает и отвечает на поклон Люсьена.

(Говорит враждебным голосом, как бы выпроваживая его.) Мужа еще нет дома.

Люсьен. Простите, мне послышалось, что он подъехал.

Мадам Леша. Плохо послышалось. Вам нужно что-нибудь сообщить мужу?

Люсьен. Да.

Мадам Леша. Прошу покорно, каковы слуги! Надеюсь, что твой отец приструнит их.

Жермэн. Как бедного Жюля?..

Мадам Леша (передразнивая дочь). «Бедного Жюля!..» Скажите! Ты жалсешь только лентяев, пьяниц и воров.

Жермэн. Не всех.

Мадам Леша. Не успеет прислуга прожить год на одном месте, как уже зазнается. Нельзя быть хозяйкой у себя в доме. Они — хозяйева. (Передразнивая.) «Бедный Жюль!» В мой-то годы, с моим здоровьем придется самой каждый день лазить в погреб. Ну, времена! (Яростно вяжет.) Итак, мосье Гарро?

Люсьен. Что прикажете?

Мадам Леша. Вы, кажется, ловко обрабатываете моего мужа... Вы вбиваете ему в голову все новые сумасбродства... как будто у него мало своих!

Люсьен. Это я-то?

Мадам Леша. А то кто же? Он теперь только и бредит, что переверотом в сельском хозяйстве. Не надо, говорит, ни пшеницы, ни овса, ни свеклы. Это, мол, старо, несовременно... Надо вместо этого сеять и сажать... бог весть что!

Люсьен. Извините, я тут ни при чем. Я, напротив, всеми мерами старался убедить господина Леша в его заблуждении. Он и слышать не хочет...

Мадам Леша. Вы, кажется, хотите меня уверить, что мой муж сумасшедший?

Люсьен (протестуя). Что вы, что вы!

Мадам Леша. Тысячи, десятки тысяч франков! А тут еще выборы через два месяца! Славный будет годик!

Люсьен. Вы помните, что в прошлом месяце, по случаю сельского праздника, ваш муж хотел было выкрасить в национальные цвета стволы всех старых вязов на большой дороге? Вы, к счастью, отговорили его. Может быть, вам удастся отговорить его и от этого агрономического проекта?

Мадам Леша (задумчиво). Деревья... Выкрасить деревья в национальные цвета.. Как флаги!.. Нельзя быть ни минуты спокойной с таким мужем... (Помолчав.) Но, скажите, ведь вы такой ученый, мосье Гарро, как вы объясните эти его странные выдумки? Ведь Исидор несомненно умен, даже очень умен. Он заслуженно считается замечательным дельцом, первым во всем Париже.

Люсьен. Делец-то он бесспорно крупный!

Мадам Леша. А вот во всем, что не касается дела,

он затевает и говорит одни только глупости. Да, да, только глупости!

Люсьен. Такие странности часто бывают у крупных дельцов. Крайняя самоуверенность, привычка к успеху... быть может, тщеславие...

Мадам Леша. Скажите! А я думала, вы имеете влияние на мужа.

Люсьен. Никакого.

Жермэн. Мосье Гарро для этого и слишком беден... и слишком честен.

Мадам Леша (строго глядя на дочь). Я не с тобой разговариваю.

Слышен шум подъезжающего автомобиля.

Едут!

Люсьен кланяется и уходит.

И кого он притащит? Который час? Где мои перчатки?.. Ах, вот они! А ты поправь волосы! На кого ты похожа? Иди сюда! У тебя блузка вздулась на спине. В твои годы ты еще не умеешь сама одеваться! (В ужасе.) А обед! Господи, а обед-то! Только бы не приехали важные лица! Вот беда! С этим сокровищем-муженьком каждый раз такие волнения!

Крики за сценой: «Да здравствует Исидор Леша!», «Да здравствует гражданин Леша!»

Опять он приказал рабочим с фермы приветствовать его криками! Должно быть, какого-нибудь министра везет!.. Боже ты мой!..

Крики за сценой: «Да здравствует Исидор Леша!»

Голос Леша (за сценой). Ну, довольно, ладно! Оставьте меня в покое!

Крики усиливаются. Исидор появляется в глубине сцены. Он идет вадом и машет рабочим, чтобы они замолчали.

Исидор. Да замолчите вы!.. Надоели!.. Не человека нужно приветствовать, а идею! Поняли, чорт возьми? — Идею!

Крики: «Да здравствует Исидор Леша!»

Ну, довольно! Вот вам за идею! *(Бросает мелкие монеты.)* Ну, и успокойтесь, будет! *(Оборачивается.)* А!.. Дамы!.. Сельская картинка. Идиллия!.. Здравствуйте, дорогие мои!.. *(Входит.)*

За ним Люсьен, Фэнк, Грег, потом два лакея с чемоданами и плащами. На Исидоре соломенная шляпа, черная визитка, — карманы набиты газетами, — пикейный жилет, тяжелая золотая цепь. Он толст, с брюшком, манеры вульгарные. Недоверчивый взгляд исподлобья странно противоречит подвижной, прыгающей походке и живости жестов. Борода с проседью, короткая, жесткая, резко очерчивает губы, открывающие белые волчьи зубы. Челюсть тяжелая, хищническая.

Мадам Леша встала навстречу гостям. Она беспокойно смотрит то на них, то на их чемоданы.

(Фэнку и Грегу.) Вот с ума спятили, дурачье! А впрочем, славные ребята! *(Смотрит на часы.)* В пятнадцать минут! От станции в замок ровно пятнадцать минут! Хе-хе! Недурные лошадки, а? *(Люсьену.)* А как ваше удобрение?

Люсьен. Ничего нового!

Исидор. Как? Надо торопиться, милый мой! Надо торопиться! Я уж сообщил о нашем открытии земледельческому обществу и министру, всем, всем... Я начинаю кампанию за него в «Трехцветном знамени». Да и для выборов оно мне нужно, поймите это! Надо торопиться! *(Представляет гостей жене.)* Господин Фэнк... Господин... *(Вспоминает фамилию.)*

Грег. Грег! Вильгельм Грег!

Исидор. Так, так, Грег. Старина Грег! Чуть не забыл его имени. *(Церемонно.)* Господин Грег! Инженеры-электрики. Старинные друзья... *(Хлопает каждого из них)*

по плечу.) Видишь, какие молодцы! В них двух сидит во-
допад и двадцать тысяч лошадиных сил!

Мадам Леша. Очень рада!

Исидор. Мадемуазель Жермэн Леша, моя дочь...

Жермэн слегка кланяется.

Завидная невеста, я вам скажу! Головка у нее горячая, но
сердце доброе — вся в отца. И притом очень интеллигент-
ная девица... Заражена страстью к эмансипации. Модная
болезнь!.. Правда, дочка? Голодным графам и разорен-
ным принцам нечего ездить в Америку за богатым при-
данным. (Показывает на дочь.) Вот она, Америка! У себя
дома! Ха-ха-ха!

Жермэн. Отец... перестань! Прошу тебя!

Исидор. И до чего скромна при этом. Хвалю, хвалю!
(Раздает номера газет жене, дочери, Гарро.) У нас сегодня,
дети мои, номер на славу. Особенно одна статейка о за-
стое в хлебной торговле... пальчики оближешь... (Люсь-
ену.) Прочтите-ка! На второй странице, три столбца. Под-
пись: Парсифаль. (Мене.) Это твои протеже, маленький
Рампюн написал. В гору пошел!

Мадам Леша. Я ведь тебе говорила, что он далеко
пойдет.

Исидор (гостям). Представьте себе — начал у меня
в прошлом году с метсорологического бюллетеня. Потом
я сделал из него театрального репортера. Теперь я про-
бую его в политической экономии. Великолепен! Потому
что теперь у меня в газете без фраз, без литературы, без
писателей!.. Ни под каким видом! Мне чтоб было поко-
роче! Факты мне подавай и деньги...

Грег. А приятно, должно быть, издавать газету.

Исидор. Газета — это рычаг. От кого телеграмма?

Мадам Леша. От Ксавье.

Исидор. А! (Читает.) Браво! (Машет телеграммой.)

Рекомендую моего сына — Ксавье Исидор Леша. Молодчина! Завтра вы его увидите.

Мадам Леша (*в ужасе, мужу*). Завтра? Так наши гости будут ночевать у нас?

Исидор. Разумеется, у нас... а не в лесу. (*Гостям*.) Вы знаете моего сына?

Фэнк. Не имеем чести.

Исидор. Его все знают. В спортивных газетах только о нем и говорят. У него скаковая конюшня... яхта... автомобиль и пятьдесят тысяч франков, друзья в высшем обществе! Он содержит актрис — первых красавиц! Мальчугану всего двадцать один год, а уже прославился самыми громкими скандалами.

Мадам Леша. Он слишком широко живет! А уж сколько от него хлопот! Мне особенно! Отец его безбожно балует. Папенькин сынок! Мальчишка злоупотребляет этим.

Исидор (*радостно потирая руки*). Веселится, шельмец! Молодо-зелено.

Мадам Леша. Мог бы веселиться подешевле. Особенно при его наружности!

Исидор. Ты вечно жалуешься, старуха! А что тебе? У меня хватит денег дать сыну пожить в Париже во-всю, как подобает порядочному молодому человеку. Небось, сама рада бываешь прочесть в газетах, что твой сынок вышел первым в автомобильных гонках в Остенде! Сердце материнское-то прыгает, небось?

Мадам Леша. Конечно! Если бы только это не стоило так много денег.

Исидор. Ну, уж ладно! (*Гостям*.) Она даже не понимает, что Ксавье для меня постоянная живая реклама. (*Женс.*) Да пойми же, наконец, что расходы на него дают сто процентов прибыли! Уж эти мне женщины! Чувства у них — хоть лопатой гребь, а в делах — ни вот

на столько смысла. (Смотрит на часы.) Что вы скажете о моих рысаках?

Грег. Удивительно!

Исидор (хлопая по плечу). Двадцать восемь тысяч, дружище.

Фэнк. Даже барана мы раздавили по дороге.

Исидор (с шумным восторгом). Двух... двух баранов... (Потирая руки.) На той неделе тоже сбили корову с теленком. Даже чуть было не раздавили ребенка до рожного сторожа.

Мадам Леша. Есть чем хвастаться!

Исидор. А что за беда! Я за все плачу! (Потирает руки. Берет Грега за пуговицу.) Слушай... в прошлое воскресенье... Ты не обижаешься, что я тебе говорю «ты»?

Грег. Напротив.

Исидор. Bravo! Люблю! У меня начистоту, у меня сейчас чтоб на «ты»!.. Графы мы, князья, что ли? Не-ет, мы — демократы! Мы — народ трудящийся. Так-то! (Хлопает Грега по животу.)

Фэнк. Вы, должно быть, очень популярны?

Исидор. Популярен ли я? Ты ведь слышал, как рабочие меня встречали. Славные ребята! И вот увидишь на выборах... Однако надо распорядиться... (Одному из лакеев.) Этот чемодан неси в комнату Франциска Первого. (Грегу.) Согласен?

Грег. Вполне.

Исидор. Этот чемодан — в комнату Людовика Четырнадцатого.

Мадам Леша. Послушай, друг мой, она занята, комната Людовика Четырнадцатого.

Исидор. Как занята?

Мадам Леша. Я там просушиваю липовый цвет.

Исидор. Ха-ха-ха! Вот так штука! Ну, тогда в комнату Людовика Пятнадцатого. (Фэнку.) Но если ты предпочитаешь комнату Генриха Второго, Генриха Третьего,

Генриха Четвертого, Людовика Тринадцатого, Людовика Шестнадцатого? Выбирай по желанию! В моем замке столько комнат, сколько королей было во Франции. (*Потирая руки.*) Какова идея?

Фэнк. Со стороны демократа...

Исидор. А в этом идея! Ирония! Так выбирай комнату!

Фэнк. Если вам все равно, я возьму комнату Людовика Пятнадцатого.

Исидор. Людовика Пятнадцатого? Я так и знал! Ах, ты, старый повеса! (*Лакеню.*) В комнату Людовика Пятнадцатого!

Лакен несут чемоданы на крыльцо.

Мадам Леша. Вы, господа, меня извините, у нас обед сегодня совсем скромный. (*Мужу.*) Это ты виноват. Хоть бы меня по телефону известил! (*Гостям.*) Поверите ли, господа, не могу допроситься у мужа, чтобы он предупредил меня, когда везет гостей.

Исидор. Это не гости — это друзья.

Мадам Леша. Но кормить надо и друзей!

Исидор. Ну, ладно, ладно! Они не ради еды приехали.

Фэнк. Конечно, конечно, пожалуйста, не беспокойтесь.

Исидор. Они приехали по делу.

Грег. Конечно.

Исидор. По делу огромной важности... По делу о двадцати тысячах лошадиных сил. (*Ведет гостей в глублину сцены. Понизив голос.*) Вы не обращайтесь на нее внимания. Славная женщина, но совершенно невоспитанная. (*Возвращается на авансцену.*) Ах, люблю я крупные дела! Ворочать миллионами, чужими миллионами, конечно! Ха-ха-ха! Гигантские работы, мосты, гавани, рудники, трамваи... Вот что я люблю!.. Это моя жизнь! (*Фэнку.*) Взгляните на этот замок. Его построил Людовик Четыр-

надцатый. Весь двор, вся аристократическая банда шата-лась здесь, в шелку и в бархате. Ну, и что? Кому принад-лежит теперь этот королевский замок? Принцу? Нет. Гер-цогу? Нет. Мне, пролетарию!.. Социалисту!.. Да, да! Это реванш народа! Ха-ха-ха!.. Да здравствует народ!

В эту минуту у п р а в л я ю щ и й встает слева, запыхавшись. Он — старик, лицо красное, волосы с проседью, борода почти белая. На нем бархатная куртка, запыленные штiblеты. Носит через плечo в желтом кожаном чехле топорик для метки деревьв.

(Идя к управляющему.) Наконец-то ты явился! А где ты был, когда я приехал?

У п р а в л я ю щ и й *(едва переводя дух)*. Простите, сударь, я опоздал. Я был в дубовом лесу, на вырубке, метил дубы.

И с и д о р. Метил, не метил — знать ничего не хочу! Когда я приезжаю, ты должен быть тут, на своем посту! Забыл порядок? Чтоб это было в последний раз! Понял? *(Меряет его насмешливым взглядом с головы до ног.)* Ты что это? Почему шляпу не снимаешь?

Управляющий снимает шляпу.

Может быть, у вас так принято, чтобы слуги говорили с господами, не снимая шляпы? *(Обращаясь к гостям.)* Вот рекомендую — мой управляющий, Фонтенель, был когда-то человеком... но... знаете... женщины... лошади... карты... и вот...

У п р а в л я ю щ и й *(резко, поднимая руку)*. Сударь!.. Исидор смотрит на него уничтожающим взглядом. Управляющий смолкает, рука его опускается.

И с и д о р. Ладно... Надень шляпу!

Всем неловко. Жермен едва удерживается от взрыва негодования. *(Садится в кресло у стола, скрестив ноги.)* Что нового сегодня?

Управляющий (еще не оправившись). Ипполит Гуэн, ваш фермер в Вилльже, просил отсрочки платежа на два месяца.

Исидор. Ни одного дня! Завтра же опись!

Управляющий. Он честный человек... Страшно бедствует. Я позволю себе...

Исидор (прерывая его злым взглядом). Что?..

Управляющий молчит.

Дальше?

Управляющий. Я не мог договориться с садовником. Он ни за что не согласен на вычет жалованья за восемь дней.

Исидор. Не согласен? Вот как! Этот болван собирался наплодить детей, не спросив меня. Не согласен? Ну, тогда его рассчитает суд! Завтра пришлют нового садовника. Отведешь ему помещение! Дальше! Дальше!

Управляющий. Приходил подрядчик. Он уверяет, что вы сами, сударь, велели ему заказать звонки для большого павильона.

Исидор. А было от меня письменное распоряжение? За моей подписью? Нет?.. Ну, так пусть оставит меня в покое... и знает впредь... (напыщенно) нечего полагаться на то, что я сказал. Верно только то, что я написал. Пусть зарубит себе это на носу... Еще что?

Управляющий. Я отпустил фураж, как вы приказали.

Исидор (погише). Прелую люцерну?

Управляющий. Ее примешали наполовину к хорошей.

Исидор. Отлично... Браконьеров сегодня не было?

Управляющий. Насколько мне известно, не было. Лесные сторожа еще не приходили с докладом.

Исидор. Отчего? Что они там делают?

Управляющий (показывая часы). Еще нет семи.

Впрочем, кажется, поймали старуху Матто за сбором валежника.

И с и д о р. В каком парке?

У п р а в л я ю щ и й. В большом.

И с и д о р. Вот как! Стало быть, запоры, колючки, железные острия на ограде... Она воображает, что все это для улиток и червей?.. Составили протокол?

У п р а в л я ю щ и й. Кажется, нет, сударь.

И с и д о р. Почему?

У п р а в л я ю щ и й. Это в обычае... Проиграем дело.

М а д а м Л е ш а (*подталкиваемая Жермэн*). Бедные везде имеют право собирать валежник.

И с и д о р. Право! Право! Прежде всего — бедные не имеют никаких прав. А хотя бы они и имели этакое дурацкое право, я не признаю его! Я не хочу, чтобы под этим предлогом ко мне забирались всякие бродяги! Нужно положить этому конец. Бедные! Подумаешь, что все принадлежит им: они хозяева, а не мы! Конечно, я демократ, но я не простофиля. (*Жене.*) Разве им не подают у нас хлеб по субботам?

М а д а м Л е ш а. Конечно.

И с и д о р (*роется в ее корзинке*). А ты разве не работаешь всю жизнь, не слепишь себе глаза — все вяжешь им разные фуфайки, чепцы, чулки, мало ли что еще?

М а д а м Л е ш а. Это правда!

И с и д о р. Ну, так чего же им еще надо? Холодно? Пусть купят угля... (*Ходит взад и вперед. Управляющему.*) Когда ее опять поймают, эту старую ведьму, пусть приведут ко мне. Слышишь? Я ее проучу как следует. (*Погирает руки.*) Все?

У п р а в л я ю щ и й. Приходил маркиз де Порселль.

И с и д о р (*торжествуя*). Ага! Удостоил? Собственной персоной! Стало быть, у него уже нет ни гроша?

У п р а в л я ю щ и й. Он желал непременно вас видеть завтра.

Исидор. Пристичило! Телефонируй ему, что я жду его завтра в два часа. И приготовь мне его дело. *(Потирая руки.)* Будет потеха!

Управляющий. Да вот еще насчет коровы.

Исидор. Ах, черт возьми! Ты бы с нее начал. Что с ней?

Управляющий. Очень плохо.

Исидор. Да что ты там ерунду мелешь?!

Управляющий. Ветеринар осмотрел ее очень внимательно. Говорит, воспаление легких. Не выживет.

Исидор *(вне себя)*. Корова в тысячу восемьсот франков! С ума он сошел! Нет, нет, он идиот, твой ветеринар! Пошли за коновалом. А пока я посмотрю сам. *(Гостям.)* Позволите? В две минуты...

Фэнк. Прошу вас...

Грег. Пожалуйста.

Исидор. Гарро!

Люсьен. Судабы!

Исидор. Пойдемте со мной. Мы поговоим дорогой. *(Управляющему.)* А ты ступай вперед... Живей!.. Ваше сиятельство!.. *(Жестами показывает Фэнку и Грегу, что не следует обращать внимание на то, что будет говорить его жена. Уходит с Гарро.)*

Голоса *(за сценой)*. Да здравствует гражданин Исидор Леша!

Голос Исидора *(кричит за сценой)*. Да оставьте меня в покое! Человек — ничто! Важна идея!

Голоса теряются вдали.

Мадам Леша *(Фэнку и Грегу)*. Взрослый ребенок! Жермэн *(во время всей сцены с управляющим нервничала)*. Позволь мне уйти. Мне не по себе.

Мадам Леша. Что с тобой? Ты не будешь обедать?

Жермэн. Нет. Мне нездоровится.

Мадам Леша *(пожимая плечами)*. Ну, ступай.

Ж е р м э н (слезка кланяясь Грегу и Фэнку). Извините, господи!

Ф э н к. Помилуйте...

Г р е г. Крайне сожалеем...

Ж е р м э н уходит.

Надеюсь, ничего серьезного?

М а д а м Л е ш а. Конечно. Пустяки.

Ф э н к. Какая прелестная девушка!

Г р е г. И какая серьезная!

М а д а м Л е ш а. Да, она, правда, не очень разговорчива... Садитесь же, господа! Мне, право, совестно. Муж все болтает, суетится и даже не попросил вас сесть.

Ф э н к. Ничего, ничего! Помилуйте!

Берут стулья и садятся.

Господин Леша счастливец!..

(Мадам Леша меланхолично вздыхает.

И в делах ему везет, и в семье счастлив, и уважают его. (Показывая на замок и парк.) Какое у вас великое поместье!

Г р е г. Замечательное! Я никогда не видел более внушительного и прекрасного! Все это, действительно, принадлежало Людовику Четырнадцатому?

М а д а м Л е ш а. Говорят.

Г р е г. Просто чудо!

М а д а м Л е ш а (уныло). Чересчур уж велико. Я не могу привыкнуть к такому большому помещению. Я в нем теряюсь.

Ф э н к. Полноте!

М а д а м Л е ш а. Уверю вас! А каких хлопот стоит содержать его, смотреть за прислугой, за тысячью мелочей... (Вздыхая.) Управлять таким домом! (Вздыхает.)

Г р е г. Вы несправедливы к самой себе, к своему счастью.

Мадам Леша. Нет уж... замок этот... бог с ним... Если бы еще хоть муж мой жил по-людски!.. Так нет же — всякие предприятия. И газета, и биржа, и не знаю что еще, а все хочет большего. Ведь сюда он ездят только летом, и то по вечерам. И вечные волнения. То одно, то другое! Не говоря о громадном персонале служащих. Одно это — чистое разорение. Деньги текут у нас, как вода.

Грег. Но если господин Леша находит в этом удовольствии...

Мадам Леша. Какое же удовольствие, если от него только расходы и никакой прибыли?.. Благодарю покорно!

Грег. Наконец, положение господина Леша, и без того высокое, еще больше возвысится, когда его выберут депутатом.

Фэнк. Это очень, очень полезно для дел.

Мадам Леша. Да еще выберут ли его?..

Грег. Кажется, дело верное. Так он говорит.

Мадам Леша. Ну, уж он вам скажет... Ведь он уже третий раз баллотируется! (*Вздыхая.*) А какая канитель, если бы вы знали только!

Исидор и Люсьен возвращаются.

Исидор. Ну, что? Посплетничали?

Мадам Леша. Что корова?

Исидор (*потирая руки*). Да ничего! Пустое! Хорошую бутылку рома — и как рукой снимет. Не так ли, Гарро?

Люсьен молча выражает несогласие.

Мадам Леша. Ром корове? Ты хочешь, чтоб она немедленно околела?

Исидор. Ты ничего не понимаешь в скотоводстве, милая. А где же Жермэн?

Мадам Леша. Жермэн ушла к себе. Ей нездоровится.

Исидор. Опять нервы! Ох, уж эти мне ученые девицы! (Увидев на кушетке книгу Жермэн, берет и подбрасывает ее.) Все книги! Вот кто виноват! Особенно стихи... Забивают себе головы... всякими глупостями... (Швыряет книгу с комическим отвращением.) Ламартины, Гюго, Мюссе... Знаешь ты, что это такое?

Фэнк. Стихи.

Исидор. Козий помет!

Они смеются.

Ты читаешь когда-нибудь?

Фэнк. Биржевые курсы... железнодорожные указатели...

Исидор. Молодец! (Грегу.) А ты?

Грег. Иногда... в вагоне... небольшие рассказы.

Исидор (хлопая его по плечу). Ах, ты, поэт! А я, дети мои, никогда ничего не читаю. Никогда... ничего... В этом моя гордость... Тем не менее, как видите, я, Исидор Леша, владелец замка, я имею пятьдесят миллионов, я издаю газету политическую, литературную, философскую... и всякое такое прочее... (Ходит с самонадеянным видом, потирая руки, и останавливается в глубине. Там озирается вокруг, заложив пальцы за жилет.) Фэнк! И ты тоже... как тебя? (Вспоминает фамилию.)

Грег. Грег, Вильгельм Грег.

Исидор. Грег, верно!.. Не могу запомнить эту чертову фамилию! Идите сюда! Оба! (Широко расставив, руки, показывает на горизонт.) Какой вид?

Фэнк. Великолепный!

Грег. Мы еще раньше им любовались... с госпожей Леша.

Исидор. С моей женой? Что она понимает!.. У ней нет привычки... (Громко.) Все, что вы видите направо, налево, впереди, позади — поля, луга и вон там река с большой мельницей и дальше на холмах леса, — все это

мое. Да еще вам не все видно. У меня ведь семь тысяч гектаров. Я владею землей в двух департаментах, восьми кантонах и двадцати четырех коммунах... У меня четыреста девятнадцать участков пашен и лугов, не считая леса. Но все это вам будет виднее на плане. Гарро!

Люсьен. Слушаю!

Исидор. Будьте любезны, принесите мне план имения. Он в передней налево, на консоле Марии Антуанетты, рядом с королевской цаплей, которую я застрелил у себя в Вальдье.

Люсьен уходит.

Чтобы объехать мое имение, нужно восемь часов. Но вы увидите на плане. Вы увидите завтра также моих шестьдесят дойных коров, моих сто тридцать породистых быков, питомник, рыбные садки, овчарню. Я вам все покажу.

Фэнк. У вас много дичи?

Исидор. Масса! Кроме куропаток и фазанов, ни одной птицы во всем поместье!

Фэнк. Жаль.

Исидор. Как так — жаль? Разве ты не знаешь, что птицы — худшие враги сельского хозяйства? Это чистые вандалы. Но я их перехитрил. Я плачу два су за мертвого воробья, три су за красношейку и лесную канарейку, пять за малиновку, шесть за щегленка и соловья, они очень редки. Весной я даю двадцать су за гнездо с яйцами. Мне их приносят отовсюду, за десять миль в окружности. Если так пойдет дальше, через несколько лет я истреблю всех птиц во Франции. *(Потирает руки.)* Да, вы тут многое увидите...

Фэнк *(показывая в аллее налево)*. Извините, если я не ошибаюсь...

Исидор. Что?

Фэнк. Птица!

Исидор. Ну, шутник же вы!

Фэнк. Нисколько. Я видел ясно, там, в аллее... Да вот она, смотритель!

Исидор. Так и есть! Малиновка! Ах, она, негодная!

Люсьен приходит с планом.

Сюда, на стол! Посмотрите на этот план. Здорово, правда? Мои поля, мои пастбища, мои леса — все вам видно тут, как будто вы по ним гуляете с тросточкой в руках. Смотри! Вот красные квадраты, здесь мои двадцать ферм. Желтые полосы с черными линиями — мои леса. А вот глядите, глядите, — луг, где я убил королевскую цаплю.

Фэнк. Что тут, бледнозеленое?

Исидор. Это мой пруд в Кюлуазеле. Я там... как французские короли в Фонтенебло... держу карпов... Толстые, как киты. Сто четырнадцать гектаров пруда. Теперь следите за мной...

Мадам Леша. Да ты замучил гостей! Может быть, они хотели бы пойти в свои комнаты перед обедом.

Исидор. Я вас мучаю?

Грег. Ничуть! Ничуть!

Исидор. Не обращайтесь на нее внимания! (Громко Фэнку.) Сними шляпу. Она тебе мешает. Смотрите, белое пространство направо, это что? Ха-ха-ха-ха! Это Порселла, имение маркиза де Порселла, старого мота, которому я дал миллион двести тысяч взаймы под первую заложенную. Не худо бы его землю прибрать к рукам, а? Соединить Вальдэ и Порселла? Соединить их в одно поместье?

Фэнк. Еще бы!

Исидор. Так вот — это дело уже в шляпе, дети мои. По крайней мере оно будет в шляпе завтра. Завтра вы увидите, как я, Исидор Леша, верчу старыми шелопаями из аристократов. Будет весело!

Мадам Леша. Еще поместье... еще замок! Господи, неужто тебе все мало?.. Ты хочешь, чтобы я совсем с ума сошла!

Исидор (пожимая плечами). Вечно ты жалуешься.

Фэнк. А что это за разноцветные человечки прыгают и скачут во всех отделениях плана?

Исидор. Ты не догадываешься?

Фэнк. Нет.

Исидор. Я. Смотреть надо в лупу. Очень похож. Недурна мысль? Сейчас видно, что имение принадлежит не какому-нибудь хаму. (Водит пальцем по линиям плана.) Вот тут моя винокурня с лабораторией новейшей системы. (Оборачивается к Люсьену.) А вот мой химик, прелестный малый, будущий ученый. Я с ним делаю теперь поразительные опыты, опыты... чего... как бишь... Гарро!

Люсьен. Что угодно?

Исидор. Как называются мои теперешние опыты?

Люсьен. Опыты по физиологии растений.

Исидор. Вот, вот! Физиология растений. Необыкновенно, не правда ли? Объяснить им, что ли, мое открытие? Объясню! (Скатывает план и размахивает им.) Я не просто хозяин, я — агроном, — поймите хорошенько разницу. То есть я хозяйничаю, как подобает человеку образованному, экономисту и современному мыслителю. Стало быть, долой пшеницу, ячмень, овес! С этим покончено! Нужно другое. Прогресс-то ведь не дремлет! Потребности увеличиваются и меняются. И если другие держатся отсталых взглядов и рутины, то я, Исидор Леша, революционный политико-эконом-агроном-социалист, не буду следовать их примеру. Итак: я сею рис, сажаю чайные кусты, кофе, сахарный тростник.

Фэнк и Грег ошеломенны.

Мадам Леша (пожимая плечами). Да получится ли прок?

Исидор (жесте). Что? Ты знай свою работу! (С ударением.) И сахарный тростник! А вы оба как будто не понимаете?

Мадам Леша. Друг мой, дай передохнуть!

Исидор. Отвяжись! Что вы, женщины, понимаете в великих социальных вопросах? Между тем все очень просто... Моя система не только спасает сельское хозяйство от рутины, но еще и упраздняет необходимость в колониях и, стало быть, делает ненужной войну. Не нужны впредь ни дальние, дорогостоящие экспедиции, ни кровопролитные завоевания. Колонии будут у нас дома. (Смеясь, потирает руки.) Индия, Китай, Африка, Тонкин, Мадагаскар — все дома! Вы ошеломлены, признайтесь? Вы бы до этого не додумались?

Фэнк. Удивительно!

Грег. Сразу, конечно, поражаешься...

Исидор. Как всеми великими открытиями. А потом привыкаешь... Вы возразите: колониальные растения здесь не примутся. Посмотрим! (Гордо.) Всегда всего, чего я хотел, я достигал. Захотел разбогатеть — разбогател. Захотел этот замок — имею. Хочу Порселлэ — получу! Хочу, чтобы сахарный тростник рос здесь у меня, — вырастет! Не правда ли, Гарро? Вырастет? Я настолько в этом уверен, что именно с этим научным, экономическим, гуманитарным вопросом связал свою кандидатуру на будущих выборах. Вы воображаете, на всех стенах домов моего участка — всюду афиши: «Исидор Леша, социалист-агроном, неоколониальный экономист, антиклерикал».

Мадам Леша (плачущим голосом). Шестьсот голосов! Шестьсот голосов будут стоять тебе шестьсот тысяч франков, как всегда. (Разгорячась.) Антиклерикал? Ты? Но ведь чуть-чуть у тебя заболит что-нибудь, ты сейчас же гонишь за священником. (Гостям.) Если бы слушаться его, священник так и не выходил бы отсюда — все причащал бы его! Да! Шестьсот голосов!

Исидор. Вздор! Ерунда! Священники... роялисты..
Они у меня увидят! Я им еще покажу, кто я!

Звонят к обеду.

Пойдемте обедать!

Мадам Леша (*идет рядом с Фэнком, жалуюсь*).
Все приглашает и приглашает гостей! А предупредить не
мог?! И зачем только в доме телефон держим...

Весьма церемонно появляются еще семь человек гостей.

(*В ужасе.*) Кто это?

Исидор (*бьет себя по лбу*). Ба! Из Марекура! Я их
пригласил. Забыл тебе сказать!

Мадам Леша (*совершенно вне себя*). Неужели ты
их пригласил к обеду?

Исидор. Ну да.

Мадам Леша. Но я не могу.

Исидор. Что ты! Что ты! Ну, как-нибудь!

Мадам Леша (*в отчаянии опускаясь на стул*). Да
чем же я их накормлю?

Исидор. Это избиратели!

Мадам Леша (*в отчаянии*). Боже мой!..

Исидор (*бросается к гостям*). Дорогой доктор... до-
рогой судья... Сударыня!..

Судья. Простите, мы, кажется, опоздали?

Исидор. Что вы! Что вы! Ничуть.

Жена судьи (*мадам Леша*). Простите, мы заставили
себя ждать...

Жена врача. Простите... Поезд идет так медленно...

Исидор суется, пожимает руки, хлопает по плечу.

Исидор (*капитану*). Ну, что, капитан? Как ваш рев-
матизм?

Капитан. Ох, и не говорите! Колено!..

Исидор. Мази, капитан!.. Мази... Кстати, я видел
военного министра.

Капитан. Правда?

Исидор. Конечно... Так вот... (Уводит капитана, возвращается. Обращаясь к налоговому инспектору.) Слушайте, я видел министра финансов...

Инспектор. Неужели?

Исидор. Разумеется... так вот... (Уводит инспектора.)

Дамы остались с мадам Леша. Грег и Фэнк в стороне.

Грег. Да, он животное.

Фэнк. Пожалуй.

Грег. Сумасшедший какой-то! Я думаю, мы легко добьемся всего, что захотим.

Фэнк. Ну, это как сказать! Таких сумасшедших надо опасаться. Посмотрите, какие у него глаза... Ужас!

Грег. Ну, что вы!

Фэнк. Встречал я таких людей. Они — самые опасные.

Грег. Оставьте... Просто человек хочет за свои деньги пролезть в депутаты... В этом все его честолюбие.

Фэнк. А нас он собирается обжужлить.

Грег. Посмотрел бы я...

Исидор (в группе гостей). Герцог де Манжи?.. Пустомеля! Для меня он не существует...

Мадам Леша. Простите нас... Сегодня у нас такой простой обед.

Исидор. Простой семейный обед...

Жена врача. Лучше быть не можст...

Мадам Леша. И еще должна вам сказать...

Исидор. Ладно, ладно... Гости приехали не ради обеда... Им просто хочется провести немного времени с тобой. (Гарро, который подошел проститься.) А вы не остаетесь к обеду?

Люсьен. Нет, благодарю вас.

Исидор. Понимаю, шлопай! Сегодня вечером? Ясно! Ну, что ж, в ваши лета! Но удобрения, удобрения, милый мой! Думайте о них!

Второй звонок к обеду. Лакеи выстраиваются с обеих сторон террасы. Гости проходят в дом.

Мадам Леша (*идет об руку с судьей*). Вы мне поверите, я не могу добиться у мужа, чтобы он меня предупреждал...

Судья. У господина Леша столько дел...

Исидор (*закрывает шестые с женой судьи; обращается к инспектору*). Сегодня в «Трехцветном знамени» замечательная статья... Об истощении хлебных семян... Советую вам прочесть... (*Обращаясь к жене судьи.*) Писал маленький Рампон, которого вы у нас видали, кажется.

Жена судьи. Господин Рампон?.. Такой блондинчик? Который играет на пианино... ногами... и носом?

Исидор. Чем угодно... Он подписывается — Парсифаль. Замечательный парнишка... И большой экономист.

Проходят. Люсьен остается на сцене. Солнце бросает закатные лучи. Люсьен некоторое время наслаждается пейзажем. В это время Жермэн появляется из-за угла замка. Она бежит к Люсьену.

Жермэн. Ты? Наконец-то! Я думала, они никогда не уйдут. Ушли! (*Бросается в объятия Люсьена.*) Люсьен!.. Милый Люсьен!..

Люсьен. Жермэн! Я так страдал, так беспокоился, не видя тебя! Взгляни на меня! Ты не больна?

Жермэн (*кладет голову на плечо Люсьена и прижимается к нему*). Нет, я здорова.

Люсьен. Ты плакала?

Жермэн. Нет, нет, уверяю тебя!

Люсьен. Почему же ты ушла?

Жермэн (*вздыхая*). Я больше не могла... Я не владела собой. Они убивают меня. Я задыхаюсь от стыда, от злости, от возмущения. Здесь каждый день, каждый час отмечен какой-нибудь несправедливостью, каким-нибудь несчастьем, если не преступлением! Я не могу больше! (*Глубоко вздыхая.*) Не могу!..

Люсьен (*оглядываясь*). Тише, тише! Нас могут услышать... увидеть...

Жермэн. Да пусть! Что нам до этого? (*С нервным возбуждением.*) После всего, что между нами было, что за беда?

Люсьен. Успокойся, моя дорогая, умоляю тебя.

Жермэн. Вот ты теперь со мной, и мне хорошо! Я счастлива. Ты не можешь себе представить, как мне хорошо! Как мне тепло, когда ты возле меня, когда ты говоришь со мной, утешаешь меня. Видишь, я перестала нервничать, волноваться, мне больше не грустно. Я рада!.. Я так рада! (*Умоляющим голосом.*) Если бы ты согласился... если бы только захотел!.. Люсьен!

Люсьен. Жермэн, дорогая!

Жермэн. Увези меня отсюда! Вырви меня отсюда! Умоляю тебя! Пусть нищета с тобой. Да, нищета, только вон, вон отсюда. Ах, когда же избавление?!

Люсьен. Осторожно... идут!

Слуга проходит, ищет что-то. Находит на столе шаль мадам Леша, забирает ее и уходит. Жермэн и Люсьен скрывались в это время за деревьями. Когда слуга удалился, они вышли, обнявшись, перескажут сцену медленно, молчаливо, как тени.

ЗАНАВЕС

Акт второй

На другой день утром. Гостиная в стиле Людовика XVI. Налево дверь. Вторая ведет в кабинет Исидора Леша. Направо высокое окно выходит в парк, освещенный лучами солнца. По стенам старинные портреты. Между ними, на видном месте, портрет Исидора с двумя электрическими рефлекторами по бокам. Жермэн сидит за столом, рассеянно перелистывая иллюстрированную книгу. Потом идет к окну и смотрит нетерпеливо и взволнованно, как будто кого-то ожидая. Управляющий выходит из кабинета Исидора, с портфелем подмышкой. Проходя, молча кланяется Жермэн и идет к выходу.

Жермэн. Господин де ля Фонтенель! Вы были у отца?

Управляющий. Да. Он сейчас ушел... я полагаю, в конюшню.

Жермэн. Как он настроен?

Управляющий. Очень хорошо, весел.

Жермэн. Весел? Он вам ничего не говорил?

Управляющий. Ничего особенного. Он долго говорил по телефону насчет этих двух инженеров. Потом мы говорили о делах.

Жермэн. Садовник уже уехал?

Управляющий. Да, вчера вечером.

Жермэн. Он сюда не вернется?

Управляющий. Я уверен, что он явится завтра

утром ко мне в контору. Я знаю этих бедняг — они не выдерживают характера больше суток.

Жермэн (*вручая управляющему конверт*). Можете вы передать ему вот это? — Немножко денег.

Управляющий. Непременно передам.

Жермэн. Только не говорите, от кого.

Управляющий. Он и сам догадается.

Жермэн. Вы идете в павильон?

Управляющий. Да.

Жермэн. Не будете ли вы любезны передать господину Гарро, что я хочу его видеть?

Управляющий. С удовольствием.

Жермэн. Мне нужно навести у него кое-какие справки.

Управляющий (*скромно*). Вы знаете, мадемуазель, что я вам предан.

Жермэн. Благодарю вас.

Управляющий кланяется и хочет уйти.

Господин де ля Фонтенель!

Молчание.

Вчера произошла сцена... крайне тяжелая, ужасная...

Управляющий машет рукой, как бы умоляя ее не говорить об этом.

Я вас прошу простить... (*Подает ему руку.*)

Управляющий (*очень тронутый*). О, мадемуазель! (*Берет руку Жермэн и целует ее. При этом движении роняет портфель.*)

Жермэн быстро нагибается и подает ему портфель.

(*Бормочет.*) Мадемуазель!.. Мадемуазель!..

Жермэн. Я рада вам услужить!

Управляющий (*сильно взволнованный*). Я не заслуживаю вашей доброты, мадемуазель.

Фэнк и Грег появляются в дверях большой гостиной.

Грег. Извините нас, мадемуазель!

Жермэн (с несколько сухой вежливостью). Вы ищете отца?

Грег. Да, мадемуазель.

Жермэн. Его нет.

Фэнк. Я рад, что вы оправились от вашего вчерашнего нездоровья.

Жермэн. Да, совершенно. (Управляющему.) Господин де ля Фонтенель, проводите, пожалуйста, этих господ!

Они уходят. Жермэн снова начинает нервно ходить по комнате. Входит мадам Леша с молитвенником в руках.

Мадам Леша (стоя в дверях). Что ж ты, Жермэн? Еще не готова?

Жермэн. Я никуда не собираюсь.

Мадам Леша. Ведь уже пора!

Жермэн. Куда пора?

Мадам Леша. Да к обедне! (Садится в кресло и застегивает перчатку.)

Жермэн. Я не пойду!

Мадам Леша. Ну, вот еще! Что это еще за фантазия?

Жермэн. И не фантазия! Я просто не пойду к обедне, потому что не хочу.

Мадам Леша. Отец будет взбешен. Ты ведь знаешь: он требует, чтобы теперь мы ходили в церковь.

Жермэн. Мне не интересно, чего хочет или не хочет отец. Мне хочется остаться дома.

Мадам Леша (с унынием). Опять начинается!

Жермэн. Если отец вдруг стал сторонником церкви, отчего он сам туда не ходит?

Мадам Леша. Нельзя же ему. Он ведь теперь антиклерикал. Но он находит полезным для дел, особенно перед выборами, чтобы мы с тобой ходили в церковь... В конце концов мы можем сделать ему удовольствие.

Ж е р м э н. Очень красиво!

М а д а м Л е ш а. Это политическая комбинация.

Ж е р м э н. Я в ней не участвую.

М а д а м Л е ш а. Наконец, ты развлечешься.

Ж е р м э н. Я не нуждаюсь в развлечениях!

М а д а м Л е ш а. Право же, дитя мое, я не знаю, что с тобой делается за последнее время. Вечно ты недовольна, дерзка. Больна ты, что ли?

Ж е р м э н. Нисколько.

М а д а м Л е ш а. Ведь я все-таки тебе мать.

Ж е р м э н. Право же, я здорова.

М а д а м Л е ш а. Ты меня убиваешь. Можно в самом деле подумать, что тебя здесь мучают.

Ж е р м э н. Да нет же!

М а д а м Л е ш а. Непостижимо! Ты свободна, как ветер. Еще сегодня я тебе дала триста франков. Я могла бы спросить, на что они тебе... Но я не спросила, дала их без всяких условий. Много ли ты найдешь таких матерей? Ведь все-таки триста франков — сумма порядочная. А у тебя страсть помогать людям, которые этого не стоят. Да, да, не спорь. Ну, чего тебе недостает?

Ж е р м э н. Я всем довольна. Прошу тебя, не будем говорить об этом!

М а д а м Л е ш а. Что за несчастье! Боже мой! Двое детей. Сын, которого я никогда в глаза не вижу, доставляет мне одни огорчения... Дочь... хоть и при мне, а будто ее совсем нет... Стоило после всего такого быть богатой!

Ж е р м э н. Но, мама, это ведь не моя вина.

М а д а м Л е ш а. Уж не моя ли? Да, я знаю, я женщина неученая, я не могу говорить с тобой о разных умных вещах... о каких вы, вероятно, говорите с господином Гарро.

Ж е р м э н (несколько резче). Мама, прошу тебя...

М а д а м Л е ш а. Я, правда, не получила воспитания,

я просто здравомыслящая женщина. А в жизни это, пожалуй, поважнее...

Жермэн. Право же, мама, не в этом дело.

Мадам Леша. Ну, в конце концов... ты решила? Ты не идешь в церковь?

Жермэн. Право, мне хочется остаться дома.

Мадам Леша. В таком случае... надо велеть заложить другой экипаж. (Звонит.) Видишь, какое от твоих капризов беспокойство?

Входит лакей.

Скажите кучеру, чтобы заложили старую коляску в одну лошадь.

Лакей. А я только что шел доложить, что экипаж подан.

Мадам Леша. Карета?

Лакей. Да, сударыня.

Мадам Леша. Парой?

Лакей. Да, сударыня.

Мадам Леша. Не хочу. Скажите, чтобы заложили коляску в одну лошадь.

Лакей. Слушаю, сударыня. (Уходит.)

Жермэн. Этак ты приедешь к концу обедни.

Мадам Леша. Ничего, с меня хватит. Но я не могу ездить одна в пароконной карете. Выше моих сил. Мне стыдно сидеть одной... Хотя бы были покупки рядом... Да, кстати, надеюсь, эти господа сегодня уедут?

Жермэн. Не знаю.

Мадам Леша. Кто они и что они? У них странный вид.

Жермэн. Такой, как и у всех... Все люди, которых приводит отец, похожи друг на друга.

Мадам Леша. На месте отца я им не доверяла бы.

Жермэн. То же самое они могут сказать про отца.

Мадам Леша. Ну, ну! Не будь злюкой! Что ж ты меня не поцелуешь?

Жермэн. Пожалуйста! *(Вяло целует мать.)*

Мадам Леша. Ах, если бы эта гадкая девчонка только захотела! Да улыбнись же!

Жермэн натянуто улыбается.

А триста франков? На что они тебе?

Жермэн. Мама, ты ведь обещала мне!

Мадам Леша. Ну, ладно, не буду. *(Идет в выходу. У двери оборачивается.)* Дай мне молитвенник.

Жермэн берет со стола забытый молитвенник и подает его матери.

Если твой брат придет без меня, пожури ка его немного. Что-то он нам еще сегодня преподнесет!

Жермэн. Я не имею на Ксавье никакого влияния. Он поступает, как хочет.

Мадам Леша. Да, да, к сожалению. Приоденься к завтраку. Я хочу видеть тебя красивой. Обещаешь?

Жермэн. Хорошо.

Мадам Леша. Ну, то-то! *(Уходит.)*

Жермэн одна, лихорадочно ходит по комнате. Входит Люсьен, колеблясь.

Люсьен. Что случилось?

Жермэн. Ничего. Я хотела тебя видеть, поговорить с тобой. Писем не было сегодня?

Люсьен. Увы, нет.

Пауза.

Жермэн. Знаешь, Люсьен, надо что-нибудь решить... сегодня же. Невозможно больше так жить: вечно настороже... Я по крайней мере больше не могу.

Люсьен *(печально)*. Но ты согласилась потерпеть еще немного.

Жермэн. Терпеть, терпеть и вечно терпеть! Дни, недели! А счастье уходит. Нет, нет! Это вечное притворство, эта ежедневная лож недостойны ни тебя ни меня. А кроме того, меня слишком все гнетет здесь. Больше я не могу! Дорогой Люсьен, скажем всем смело и открыто, кто мы друг для друга.

Люсьен. Я прошу тебя, я умоляю тебя не торопиться, подождать всего несколько дней. Ты видела письма? В них самые серьезные обещания.

Жермэн. Одни обещания!

Люсьен. Дорогая моя, не может быть, невозможно, чтобы я не получил скоро, очень скоро такое место, которое по крайней мере оградило бы тебя от нужды.

Жермэн. Зачем нам ждать его здесь? Уедем. Будем ждать где-нибудь в другом месте, одни. Подумай.

Люсьен. Но завтра, быть может...

Жермэн. Завтра? Зачем завтра? Зачем откладывать? Нет, нужно положить этому конец, если ты меня любишь.

Люсьен. Люблю ли я тебя!

Жермэн. Ну, так слушай! Когда я вернулась утром к себе, я не могла уснуть. *(Берет его руку.)* Меня еще жгли твои слова, твои ласки, твои поцелуи... Я не могла оставаться одна. На рассвете я вышла и долго бродила по полям и лесам. Меня охватила какая-то светлая радость. Я думала о тебе, о нашей любви. Я была почти счастлива. Вдруг через просеку показался этот замок. Точно я увидела смерть. Нет! Нет! Не могу! Не могу больше! Если я остануть здесь, Люсьен, я возненавижу даже тебя.

Люсьен. Куда же мы поедем?

Жермэн. Куда угодно.

Люсьен. Чем мы будем жить?

Жермэн. Разве я не могу работать? У меня есть энергия и желание непременно быть свободной и счастливой.

Люсьен. А работа? Найдешь ли ты работу? О, дорогая Жермэн, поверь мне... Я знаю жизнь... мне приходилось с ней бороться... Не заставляй меня начинать сначала. Я боюсь нищеты. Она может все растоптать, все уничтожить, все убить — даже любовь. Ведь и у меня были и ум, и энергия, и ремесло в руках, и воля, и решимость непременно пробиться своим трудом. Все у меня было, — не было только работы! Целых три года я тщетно искал ее. Тщетно стучал я во все двери, ни одна не открылась. Это кажется невероятным, но это так.

Жермэн. Бедный ты мой!

Люсьен. Чтобы только не умереть с голоду, я должен был браться за самую унижительную работу, пускаться на разные постыдные компромиссы. Если бы ты только знала!..

Жермэн. Но теперь мы будем бороться вдвоем.

Люсьен. Вдвоем? Чтобы страдать вдвойне и чтобы вдвойне быть побежденными? Эта мысль парализует мою волю.

Жермэн. А мне именно она придает отвагу и надежду.

Люсьен. Я люблю тебя, и люблю больше всего на свете.

Жермэн. Ну, так не спорь, увези меня! В жизни нет ничего, кроме любви.

Люсьен. Кроме любви, есть жизнь. Она нас уничтожит.

Жермэн. У тебя робкий ум мужчины и ученого... А я... я кричу всем моим сердцем женщины... Я спрашиваю: что ты думаешь делать?

Люсьен. Еще ждать.

Жермэн. Допустим. А если ты не дождешься?

Люсьен. Этого не может быть.

Жермэн. Однако ты сам говорил только что...

Люсьен молчит.

Ж е р м э н. Вот видишь.

Пауза.

Нет... тут что-то другое... Я чувствую. Тебе совестно перед моим отцом.

Л ю с ь е н. Мне совестно перед самим собой.

Ж е р м э н. Одно и то же... Угрызения совести из-за Исидора Леша — право же, это излишняя роскошь!

Л ю с ь е н. Я все-таки многим ему обязан. Он спас меня от нищеты. Я выбивался из сил, когда он протянул мне руку.

Ж е р м э н. Чтобы еще более унижить тебя, чтобы заставить тебя и твои знания служить какому-то гнусному обману... Так вот я больше этого не хочу. Я не хочу, чтобы унижали того, кого я люблю. (Пауза.) Неужели нам требуется чужое согласие и публичные клятвы, чтобы мы были счастливыми? Отец сам научил меня не уважать никаких договоров.

Л ю с ь е н (с глубокой нежностью). Бедная моя Жермэн! (Привлекает ее к себе.) Дорогая моя дикарочка! (Целует ее в лоб.) Зачем ты сама себя мучаешь?

Ж е р м э н. Ты слышал о банкире Габриеле Дофен? Ты знаешь, как он умер?

Л ю с ь е н. Он покончил с собой.

Ж е р м э н (волнуясь). Из-за нас.

Люсьен делает движение.

Да, да, из-за нас. Я не могу хорошо объяснить тебе все подробности. Но в Париже шептались... Правда, газеты молчали, но ведь отец сам издатель газеты — и заплатил за молчание.

Л ю с ь е н. Тебе тяжело говорить об этом. Не надо.

Ж е р м э н. Дофен запутался в делах и попросил помощи у отца. Не знаю, какую сделку они заключили, но отец его обманул и разорил. Дофен пришел к отцу блед-

ный, как смерть. Он просил, угрожал, молил на колёнях. «Ведь это же преступление!» — «Это мое право». — «Вы меня губите!» — «Я себя охраняю!» — «Но у меня жена, дети!» — «У меня тоже». — «Вы меня толкаете на самоубийство!» — «А какое мне дело?» — Придя домой, Дофен пустил себе пулю в лоб. Вот как наживаются деньги.

Л ю с ь е н. Это ужасно!

Ж е р м э н. Я пошла к госпоже Дофен. Она все рассказала мне. Я упала перед ней на колени, и мы вместе плакали. А сотни, а тысячи других? Понимаешь ли ты теперь, почему каждый лишний день пребывания в этом доме мучителен для меня?

Л ю с ь е н. Жермэн! Жермэн! Бедная! Ну, хорошо, мы уедем... Уедем, когда хочешь... Хоть сегодня же!

Ж е р м э н. Да, да! Но не крадучись, не тайком. Мы уедем открыто, высоко подняв головы.

Л ю с ь е н. Ну, конечно.

Ж е р м э н. Ты предоставь это мне, Люсьен. Иди в свой павильон, приготовь отчет. Я не хочу, чтобы отец в чем-нибудь мог упрекнуть тебя. И поцелуй меня. Обними покрепче.

Они обнимаются.

Раскаиваться не будешь, поверь. Когда мы будем вдвоем далеко отсюда, ты увидишь, как мы будем счастливы. Ну, ступай, ступай! И не уходи далеко от замка.

Л ю с ь е н уходит. Жермэн радостно смотрит ему вслед. Затем злонит. Входит горничная Жюли.

Жюли, сложите мне, пожалуйста, мои вещи — белье, платье и прочее.

Ж ю л и. Барышня собирается в дорогу? Не надолго?

Ж е р м э н. Не знаю.

Ж ю л и. Значит, вы уезжаете совсем? Я догадалась!

Ж е р м э н. Ни слова... никому!

Жюли. Ах, до чего жалко, что вы уезжаете!
Жермэн (ласково, посмотрев на Жюли, целует ее).
Ступайте, милая Жюли!

Жюли уходит. Когда Жермэн хочет выйти из комнаты, входят
Исидор Леша, Фэнк и Грег.

Исидор. Ты здесь, Жермэн? Почему не в церкви?

Жермэн. Я беседовала с господином Гарро.

Исидор. Гарро?

Жермэн. Да.

Исидор (ищет глазами). Где же он?

Жермэн. Он ушел к себе.

Исидор. Он искал меня?

Жермэн. Нет.

Исидор. Что же он тут делал?

Жермэн. Скоро узнаешь! (Быстро вышла.)

Исидор (провожая дочь тяжелым взглядом). Чудачество!.. (Бьет себя по лбу.) Но красивая девчонка! Завидная невеста! (Фэнку.) Ты женат?

Фэнк. Увы!

Исидор (Грегу). А ты?

Грег. Тоже.

Исидор. Ну, дети мои, значит, прозевали! Тем хуже для вас. А теперь за дело!

Входит лакей.

Лакей. Сударь, вас просят к телефону, из «Трехцветного знамени».

Исидор. Ах, да! (Грегу и Фэнку.) Одну секунду. (Лакею.) А ты принеси портвейн.

Лакей. Какой?

Исидор (взглянув косо на гостей). Можно попроще. Живо, марш! (Выталкивает лакея и уходит.)

Фэнк (нервно). Я ему не доверяю.

Грег. Но почему? Ведь он идиот!

Фэнк (*показывая на дверь*). Не так громко! Если бы он был идиот, он бы не нажил такого состояния.

Грег. Удача!

Фэнк. Смотрите, не разболтайте, что наш водопад лежит близ крепости и что поэтому эксплуатировать его будет трудно. Он тотчас догадается, что тут дело не ладно. Это чорт, а не человек!

Грег (*показывая на дверь, в свою очередь*). Тс-с-с!..

Фэнк (*понижив голос*). А алюминий?

Грег. Нельзя ему об этом не сказать,— одна из приманок всего дела!

Фэнк. Во всяком случае у нас еще есть мой патент. Будьте спокойны, я его дешево не уступлю. И насчет жалованья будьте непреклонны.

Грег (*с раздражением*). Знаю, знаю!

Фэнк. Особенно не проговаривайтесь об имени и адресе владельца. Мы прибережем к подписанию контракта, когда Леша уже не сможет отказаться.

Грег. Тс-с... Он идет.

Принимают небрежный вид и любуются портретом Исидора. Входит Исидор Леша, радостно потирая руки.

Исидор (*увидев их перед своим портретом*). Работы Бонна! Дети мои!.. Прямо, как президент республики!.. Пойдите... пойдите... (*Зажигает оба рефлектора и отходит, чтобы видеть эффект*). Вот смотрите отсюда. Каково?

Фэнк. Великолепно!

Грег. А какое сходство!

Исидор (*хлопая Грега по плечу*). Тридцать пять тысяч стоит, старина! Здорово!

Входит лакей с подносом.

Выпьем портвейна, а?

Лакей ставит поднос на стол.

И с и д о р. И запри дверь. Никого не принимать... кроме сына, когда он придет.

Лакей уходит, затворяя обе половинки двери.

Ну, наконец, мы сможем поговорить спокойно. *(Наливает вино в стаканы.)* За ваше здоровье, дети мои!

Пьют.

Фэ н к *(смакуя вино)*. Прекрасное вино!

И с и д о р. Тысяча восемьсот четвертого года! Недурно, а? *(Ставит стакан на поднос.)* А теперь я вас слушаю!

Грег стоит, прислонившись к камину, он принимает ораторскую позу.

Так, значит, говорить будешь ты?

Г р е г. Если позволите.

И с и д о р. Только без красноречия, пожалуйста. И покороче! *(Разваливается в кресле, запрокинув голову, подняв вверх ноги.)*

Фэнк садится к углу конторки и, пока Грег говорит, вынимает из портфеля бумаги, которые раскладывает перед собой.

Г р е г. Вы без сомнения достаточно в курсе великого промышленного движения Европы и знаете, что вся будущность промышленности...

И с и д о р *(не шевелясь)*. Пропусти! Болтовню пропусти!.. Здесь не открытие памятника. В двух словах... если можешь.

Г р е г. Слушаю. Речь идет об устройстве во Франции огромной электрической станции вроде таких, какие сооружены в Швейцарии и Германии...

И с и д о р. Оставь в покое Швейцарию и Германию.

Г р е г *(продолжает)*. ...даже более значительной, более колоссальной...

И с и д о р. Какой болтун!

Грег. Осмелюсь заметить, что дело, о котором я буду иметь честь вам доложить, можно рассматривать с двух сторон. Во-первых, это дело патриотическое...

Исидор. Все дела патриотичны... Старо...

Грег. Но наше дело очень выгодно...

Исидор. Вот это и надо видеть.

Грег (уже смутился и начинает подыскивать слова). Раз я говорю с человеком, столь компетентным, мне не нужно перечислять всех способов эксплуатации электричества.

Исидор. Не нужно.

Грег. К тому же это очень просто и резюмируется целиком в одном слове: все. Электричество пригодно для всего. Механическая тяга...

Исидор. Ближе к делу!

Грег (сбитый с толку). Мне возражат...

Исидор. Да я пока ничего не возражаю. Словом, у вас есть водопад в двадцать пять тысяч лошадиных сил. Где?

Грег. Позвольте мне сперва изложить вам дело в главных чертах. Мы потом займемся деталями.

Исидор. А если твой водопад окажется на луне? (Сместся.)

Грег. Наш замечательный водопад находится в горах, в двадцати шести километрах от большого промышленного города. Контракт этого города с обществом газового освещения — заметьте! — кончается через три года. Муниципалитет там новый. Все люди образованные, прогрессисты.

Исидор. Не очень распирайся за прогрессивность муниципалитетов. Я их знаю.

Грег. Тамошний только и мечтает заключить с нами контракт.

Исидор. Ну, да, хотят получить взятку. Ясно. Дальше.

Грег. Три больших очень модных курорта тоже лежат в районе водопада. При них девяносто два больших оте-

ля... Наконец,— и в этом главная выгода,— прилегающие земли изобилуют бокситом. Имея руду под руками, имея двигатель, мы можем построить богатейший алюминиевый завод и конкурировать с...

И с и д о р. Ладно, ладно, понимаю!

Ф э н к. Неисчислимые барыши!

И с и д о р. Пока не будем их считать. *(Встает, ходит по комнате, заложив руки назад под фалды жакетки.)* И этот водопад — ваш?

Г р е г *(чуть-чуть поколебавшись)*. Конечно.

И с и д о р. Удивительно!

Ф э н к. Почему? Что тут удивительного?

И с и д о р. Вы владельцы водопада?

Г р е г. Ну, да!.. Я вам скажу...

И с и д о р. ...что вы не владельцы водопада?

Г р е г. Все равно, что владельцы: у нас есть обещание, что его продадут именно нам.

И с и д о р. Обещание? Кто дал?

Г р е г. Сам владелец.

И с и д о р. А ведь владельцы — вы? *(Смеется.)* Слушайте, вы славные ребята. А я, должно быть, дурак. Но то, что вы мне предлагаете, пожалуй, интересно... однако немножко сложно. Я никогда не пускаюсь в дела, не зная, в чем они состоят, где они находятся, с кем свяжусь... *(Останавливается перед своим портретом и смотрит на него с аффектацией, расставив ноги, заложив руки в карманы, подняв голову с насмешливым видом.)*

Грег и Фэнк все более смущаются. Они вопросительно переглядываются. Исидор то зажигает, то тушит рефлекторы.

Г р е г. Вы будете иметь дело с нами. Мы ведь не скрываем от вас ничего. *(С досадой.)* Вы мешаете мне говорить.

Исидор молчит.

Ф э н к. Вы все прерываете нас.

Исидор молчит.

Фэнк. С вами не знаешь, с какого конца начать.

Грег (посоветовавшись глазами с Фэнком). Его зовут Жозеф Брюно...

Исидор. Бедняга Брюно! Вот неудачник-то! (Садится к конторке, у которой сидит Фэнк.) А кто он такой?

Грег. Полукрестьянин, полубуржуа. Так себе человек, но ужасно упрямый. Он сперва наотрез отказался вступить с нами в компанию, но мы ему насулили столько миллионов, что он решился поднять дело за свой счет.

Исидор. Стало быть, он очень богат, ваш Брюно?

Грег. Было у него тогда тысяч триста приблизительно. Мы ему представили смету, он ее принял. Начались работы. Только оказалось, что из десяти километров тоннеля, который нужно прорыть, не были кончены и три, когда от его трехсот тысяч ничего не осталось! Мы ошиблись в смете.

Исидор. Вот как!

Фэнк. В сметах ведь часто ошибаются.

Исидор. Еще бы! (Смеется.) Дальше...

Грег. Брюно был весь в наших руках. Он это сразу понял. Мы заключили с ним контракт, по которому обязались продолжать дело, а его вознаграждать либо какой-нибудь суммой, либо маленькой долей в барышах новой компании, которая составитя.

Исидор. Вот тебе и Брюно! Ах, бедняга! Ну, а водопад, знаменитый водопад!? Где же он?

Грег (переглянувшись с Фэнком). В Сен-Карексе, близ Гренобля.

Исидор. В Сен-Карексе? Да слушайте, ребята, ведь я эти места знаю. Конечно, знаю! Это, сколько мне помнится, в районе крепости.

Грег. Да.

Фэнк. Не имеет значения.

Исидор. Ты так думаешь? А придирки военного ведомства? А волокита? А канитель? Это дело на годы!..

И в конце концов после всех хлопот и мучений, потеряв время, бросив на ветер деньги, очутишься в невозможности что-либо предпринять. И, по-твоему, это не имеет значения? Все пустяки? Ай да Фэнк! Ай да дружище!

Фэнк (*авторитетно*). Вы сами должны понять, что мы затеяли такое предприятие не вслепую: у нас есть рука в министерстве.

Исидор. В самом деле? А еще где-нибудь у вас есть, вероятно, и капиталы? Ну, чего же лучше?.. Тогда я вам совершенно не нужен! Вперед, дети мои, вперед! Без меня! Я не буду в претензии. Выпьемте еще по стаканчику! Портвейн тысяча восемьсот четвертого года! За здоровье бедняги Брюно, да? (*Наливает.*)

Пьют.

Что такое? Вам теперь мой портвейн как будто менее нравится?

Фэнк. Нисколько. Напротив!

Грег. Однако, милейший господин Леша, ведь мы вовсе не хотели сказать, что не нуждаемся в вас. Было бы глупо...

Исидор. Ты опять за то же?

Грег. У вас есть газета, могучее и грозное орудие...

Фэнк. Орудие, необходимое всем крупным финансовым деятелям.

Грег. У вас есть также...

Исидор. Ну, есть, есть. А все-таки вы собирались меня надуть.

Грег и Фэнк протестуют жестами.

Напрасно вы это задумали! Я человек честный, открытый. Я не какой-нибудь Брюно! Бедный ваш Брюно! У меня кожа толстая, кости крепкие. Меня не проглотить, — я поперек горла стану. Примите к сведению и руководству. А

теперь слушайте меня хорошенько. О вашем деле я знаю только то, что вы мне о нем сами сказали, да еще со всякими недомолвками. Проще говоря, я о нем ничего не знаю. Но я согласен познакомиться с ним подробно. Может быть, оно плохое, может быть, и хорошее. Я скорее думаю, что хорошее. У меня в делах есть нюх. Только я сам поставлю условия. Вы их примете или отвергнете,— без всяких разговоров. У меня нет времени выслушивать ваши детские хитрости, ваши мелкие препирательства. Они ни к чему вас не приведут, к тому же мне они противны.

Грег. Однако извините!.. То, что вы называете...

Исидор. Довольно! Сколько надо на оборудование, на работы, постройки, машины?

Фэнк. Восемь миллионов!

Исидор. Так.

Молчание.

Хорошо. Я берусь найти капиталы. Я беру также на себя переговоры с военным министерством. И ручаюсь вам, что это я обделаю. *(Перестает ходить.)* А вот чего я требую. Во-первых, я никакого Брюно не знаю и знать не хочу. Делайте с ним, что вам угодно.

Грег. Позвольте! Ведь он, бедняга...

Исидор. Что-нибудь одно — либо благотворительность, либо дела. Вы хотите сделать дело, не так ли? В таком случае Брюно, которого вы уже однажды сумели обойти, вы обойдете без моей помощи и во второй раз. Я вам дарю Брюно. *(Шумно смеется.)* И по этому поводу я вам скажу, что смета, которую вы мне представите, будет подвергнута серьезному контролю. Ну, а уж если окажется недочет, он будет покрыт исключительно из вашего пая.

Грег делает нетерпеливое движение, Фэнк успокаивает его жестом.

Фэнк. Но каковы же будут пай?

Исидор. Поровну между нами двумя.

Фэнк. Вы хотите сказать — тремя?

Исидор. Какими тремя? Где ты нашел трсх?
(Грегу.) Ты (Фэнку) и ты — один пай, я — второй пай. Один на один — два. Где же третий? И еще: всей финансовой стороной дела управляю я один. Я могу делать всякие комбинации, все, что сочту полезным для развития дела, и вы не имеете права вмешиваться. Конечно, ваши права, как учредителей, вы сохраните. Но предупреждаю вас, что жирны они не будут.

Грег. Я не понимаю вас.

Исидор. После поймешь. Дай мне кончить. Раз я внесу в дело деньги, нечего и говорить, что мне будут принадлежать все комиссионные с подрядчиков и строителей.

Фэнк. Какие комиссионные?

Грег. Комиссионных нет!

Исидор. Ну, дети мои, если нет комиссионных, то выйдет, что я самого себя надую. Это было бы забавно, но неправдоподобно.

Грег. Вы еще ничего не сказали о нашем жалованье?

Исидор. Никакого жалованья!

Грег. Однако принято, чтобы инженеры...

Исидор. Ни под каким видом! Мы не служащие, чорт побери!

Фэнк. Позвольте, позвольте!

Исидор. Ни гроша, ни гроша!

Фэнк. А мой патент?

Исидор (посмотрев на Фэнка насмешливо). Твой патент? Какой патент? Ах, кстати! (Хлопает его по плечу.) В котором часу ты уезжаешь? Есть поезд в шесть тридцать. Курьерский, дружище, самый лучший!

Фэнк. Мы не можем принять такие условия.

Г р е г. Вы нас обираете.

Ф э н к. Душите!

Г р е г. Невозможно! Невозможно!

Ф э н к. Это чудозищно! Я уважаю права капитала, но капитал в предприятии не все. Есть еще мой патент! *(Трясет листом бумаги.)* Он тоже чего-нибудь стоит!

И с и д о р *(добродушно)* Я вас не неволю, дети мои, не неволю! Кончим разговор! Его не было. Мало ли случается, поговорили о деле, не сошлись — и все. Это не помешает нам остаться друзьями, чорт побери!

Молчание.

Но кого больше всего жаль в этой истории — это все-таки Брюно. *(Ходит взад и вперед.)* Бедный Брюно! Он меня, право, интересует. Мне даже хочется съездить к нему, проинтервьюировать его. Ваше мнение? Интервью с Брюно в «Трехцветном знамени»? Хе-хе!.. Вот что было бы и смешно и трогательно, не так ли? *(Потирает руки.)*

Грег и Фэнк поражены.

Да, да! Идея хороша! А затем, почему бы мне не съездить завтра же к военному министру? *(Важно.)* Я ведь у него свой человек! Тоже недурная идея! *(Потирает руки.)* Ну, что? Нравится вам моя программа?

Г р е г *(подавленный)*. Мы хотели бы еще подумать...

И с и д о р. Чего думать? Дело вам не подходит — бросьте его. Никогда не нужно ничего делать против воли.

Входит л а к е й.

Л а к е й. Господин Ксавье.

И с и д о р. Одну минутку, друзья мои. Одну минутку, только повидаю сына.

Фэнк и Грег, расстроенные, собирают бумаги, хотят уходить.

Грег. Мы подумаем.

Исидор. Как хотите.

Фэнк. Пересмотрим кое-какие цифры, расчеты...

Исидор. Отлично.

Фэнк. Ведь мы чего хотим? Поскорее поладить! И вы подумайте.

Исидор. Дети мои, не просите меня подумать. Вам это на пользу не пойдет. Напротив.

Фэнк (*опустив голову*). Ну, что ж...

Исидор. Даю вам срок до шести часов. И если бы ваши размышления привели вас, паче чаяния, к согласию...

Фэнк. Ваши условия очень расходятся с нашими...

Исидор. Словом, если вы согласитесь, напишите маленький предварительный договор, в точности соблюдая условия, которые я вам поставил, в точности, слышите? После, когда будем подписывать компанейский контракт, мы обсудим некоторые дополнительные пункты, о которых мы еще не говорили. Пункты пустячные.

Грег (*ошеломленный, печально смотря себе под ноги*). Хорошо.

Исидор. Так-то, детки мои...

Фэнк. Хорошо...

Грег. Ведь мы чего хотим, в сущности?

Фэнк. Притти к согласию. Ведь это же, в конце концов, не трудно.

Исидор (*провожая их до дверей, ободряюще хлопая по плечам*). Ну, ну, веселее! Что за чудачки! Я их обогатил, а они точно на похороны собираются. Веселей, чорт возьми! Головы выше!

Грег и Фэнк уходят.

(*Кричит им вслед.*) Поезд — в шесть тридцать! Не забудьте!

Входит К с а в ь е в изящном костюме автомобилиста. Лицо потрепанное, манеры холодные.

(Встречая его с раскрытыми объятиями.) Наконец, вот он, наш шофер!

К с а в ь е. Отец! *(Вяло протягивает два пальца.)*

И с и д о р. Только два пальца! А поцеловать своего папу? Старого папу?..

К с а в ь е. Если хочешь! *(Целует отца.)*

И с и д о р. Или это не в моде? Не принято в твоём клубе? Ну-ка, посмотри на меня. Что за постная физиономия! Неприятности?

К с а в ь е *(неопределенно)*. Так...

И с и д о р. Бабенки?.. Сердечные делишки?..

К с а в ь е. Сердечные дела? Они мне уже давно надоели.

И с и д о р. Ах, ты, шофер ты этакий! Стало быть, денежные дела?

К с а в ь е. Н-да, пожалуй!

И с и д о р. Проигрался?

К с а в ь е. Порядочно.

И с и д о р. В Остенде?

К с а в ь е. В Остенде.

И с и д о р. Расскажи. Хочешь портвейну?

К с а в ь е. Ты знаешь, я давно уже пью только воду.

И с и д о р. Ах, ты! *(Садится.)* Итак?

К с а в ь е *(тоже садясь)*. Двести тысяч франков.

И с и д о р *(вскакивая)*. Что ты говоришь?

К с а в ь е *(холодно отчеканивая слова)*. Двести тысяч франков.

И с и д о р. Слышу, слышу! Хотя от такой цифры можно и оглохнуть. *(Смотрит на сына огорошенный.)* Твои истории всегда коротки, но вразумительны.

К с а в ь е. Ну, вот... *(Пожимает плечами.)*

И с и д о р. Послушай, однако! Двести тысяч! Да ведь это сумма!

К с а в ь е. Ну, для тебя...

И с и д о р. Как — для меня? Не всегда ведь валяются в жилетном кармане свободных двести тысяч франков. Надо было предупредить, чорт возьми!

К с а в ь е. Завтра обделаешь какое-нибудь дельце и вернешь деньги.

И с и д о р. Дельце! Дельце! Легко сказать! Неужели нельзя как-нибудь уладить?

К с а в ь е. Невозможно! Вопрос чести.

И с и д о р. Честь! К чорту честь! Там, где деньги, нет чести. Там есть дело! А дело всегда можно уладить.

К с а в ь е. Только не в моем кругу.

И с и д о р. Не в его кругу! Скажи пожалуйста! Удивительный мальчик! Неужели нельзя уладить? Ну, хотя бы на ста тысячах?

К с а в ь е. Невозможно.

И с и д о р. Совершенно невозможно?

К с а в ь е. Совершенно.

И с и д о р. Да-а! *(Задумывается.)*

Молчание.

Слушай, я тебе дам двести тысяч. Но ты мне их должен отработать.

К с а в ь е. Если смогу... Но я сомневаюсь.

И с и д о р. Сможешь... Сегодня я устал... *(Встает.)* И еще предстоит разговор с канальей де Порселлэ. С тобой мы поговорим после завтрака.

К с а в ь е. На сладкое?

И с и д о р *(треплет его по щеке)*. Пойдем посмотрим лошадей.

К с а в ь е. Ты знаешь, я должен вернуться в Париж к шести часам.

И с и д о р. Успеешь. Уговор: матери ни слова о деньгах.

К с а в ь е. Разумеется.

И с и д о р. Утопит в слезах!

К с а в ь е. Мама все так же надоедлива?

И с и д о р. Ах, дорогой мой! *(Под руку направляется к выходу.)*

К с а в ь е. Ну, а как Таралетт?

И с и д о р. Прелесть! Ангел!

К с а в ь е *(смеясь)*. Ах, папа, папа! В твои годы!

И с и д о р. Я не такой, как ты. У меня сердце молодое.
Мне нужна любовь!

З А Н А В Е С

Акт третий

Роскошный кабинет, уставленный старинной мебелью. При поднятии занавеса Исидор сидит за столом и заполняет чек. Ксавье у камина курит сигару, просматривая газету.

Исидор (после молчания, протягивает чек Ксавье).
Вот!

Ксавье (рассматривает чек и прячет его в бумажник).
Благодарю!

Исидор. Только знаешь, мой мальчик, не слишком приучайся к таким субсидиям. В конце концов папина касса может не выдержать.

Ксавье (иронически). Конечно!

Исидор. Кстати, скажи, ты все еще хорош с молодым Брагаром?

Ксавье. С которым?

Исидор. Сыном генерала.

Ксавье. С Анри?

Исидор. Что он из себя представляет?

Ксавье. Ничего особенного.

Исидор. У Брагаров нет ни гроша?

Ксавье. Да, говорят, они небогаты.

Исидор. А живут широко?

Ксавье. Прилично.

Исидор. И нет ни гроша!

К с а в ь е. Разве это мешает?

И с и д о р. Очевидно, нет. Послушай, говорят, генерал Брагар будет назначен начальником генерального штаба...

К с а в ь е. Вот как? Анри мне ничего не говорил. Я рад за них...

И с и д о р. Вот что... Для очень крупного дела, о котором я веду переговоры, мне, пожалуй, понадобится серьезная протекция к генералу Брагару. Если мои предположения верны, тут пахнет большими миллионами, но мне во что бы то ни стало нужен Брагар.

Молчание.

Твой друг Анри имеет влияние на отца? Привези его ко мне. Мы позавтракаем втроем и поговорим.

К с а в ь е (*подумав*). Это дело деликатное... Анри парень простой, но очень осторожный и ужасный формалист.

И с и д о р. Форму мы соблюдаем.

К с а в ь е. Видишь ли... я боюсь, он не захочет пойти к тебе.

И с и д о р. Почему?

К с а в ь е. У тебя неважная репутация.

И с и д о р. Вот это мне нравится! Неважная репутация! У меня? Что ты мне рассказываешь!

К с а в ь е. Я знаю... о тебе повсюду болтают разные истории...

И с и д о р (*расплываясь в улыбке*). Истории? Истории с женщинами?

К с а в ь е. Не совсем. (*Уклончиво.*) Разные истории. Мне то все равно... по-моему, ты замечательный парень. Но других это смущает.

И с и д о р. Идиоты! Плевать мне на них.

К с а в ь е. Кажется, у меня есть нечто лучшее... Я очень близок с любовницей Анри. (*Подчеркнуто.*) Очень близок.

И с и д о р. Кто она?

К с а в ь е. Ты ее не знаешь. Она очень ловкая, сдержанная, немного таинственная женщина и имеет большую власть над своим любовником.

И с и д о р (*вслушиваясь*). Вот что!

К с а в ь е. Она — полька!.. Но бывает подчас и немкой и итальянкой, понимаешь?

И с и д о р (*подумав*). Я, знаешь, деловых женщин боюсь хуже чумы... Женщины только для любви... Нет, нет, не надо путать женщин в дела.

К с а в ь е. Напрасно! В сущности, они только для дел и годятся.

И с и д о р. Шпионка она, что ли?

К с а в ь е (*сухо*). А хотя бы и так!

Молчание.

И с и д о р (*смотрит на сына с восхищением*). Ах, ты, шельмец! А все-таки это дело я хочу повести сам.

К с а в ь е. Значит, мне ты не доверяешь?

И с и д о р. Не говори глупостей! Если бы я тебе не доверял, я не просил бы тебя присутствовать при свидании.

Входит слуга.

Л а к е й. Господин маркиз де Порселлэ.

И с и д о р (*глядя на часы*). Ровно два. Он аккуратен, этот господин маркиз. (*Слуге*.) Проси господина де Порселлэ подождать несколько минут. (*Сыну*.) Хочешь его видеть?

К с а в ь е. Ничуть.

Слуга выходит.

И с и д о р. Ничего, пускай посидит в передней господин маркиз... хоть он и пришел точно во-время.

К с а в ь е. Точность голоштанника.

И с и д о р. Как он остроумен, этот мальчишка! (*Встает*.) Значит, решено: ты приведешь его ко мне к завтраку.

К с а в ь е. Постараюсь.

И с и д о р. Никаких «постараюсь»! Непременно приведи.

К с а в ь е (с холодным цинизмом). Сколько дашь?

И с и д о р. Однако... однако...

К с а в ь е. Раз тебе предстоит заработать такой куш... Коммерция, так коммерция.

И с и д о р. Ты меня огорчаешь. Разве я когда-нибудь с тобой считался?

К с а в ь е. Ладно. До завтра!

И с и д о р. Ну, в добрый час! Поцелуй меня!

Целуются.

А твой автомобиль? Все еще хорош?

К с а в ь е. Очень.

И с и д о р. Будь осторожен, мой мальчик. Не развивай слишком больших скоростей. Иди поцелуй мать и сестру перед отъездом.

К с а в ь е. А если я встречу «ангела» сегодня вечером— Таргалетту,— ее тоже поцеловать?

И с и д о р. Ладно, ладно, скверный мальчишка. Отца надо уважать. Ей тоже ни слова о двухстах тысячах.

К с а в ь е (смеясь). Ну, что ты!

И с и д о р. До завтра, мальчик.

К с а в ь е. До завтра. (Уходит.)

Исидор задумчиво ходит по комнате; подходит к письменному столу, перелистывает бумаги, звонит. Слуга вводит маркиза де Порселла.

И с и д о р (идет навстречу маркизу). Маркиз, имею честь...

М а р к и з (элегантно одет, манеры изысканные). Милейший господин Леша!

Пожимают друг другу руки.

И с и д о р. Простите, что заставил вас немножко подождать.

Маркиз. Ничего, ничего!

Исидор. Сюда, пожалуйста! *(Придвигает кресло.)*

Маркиз. Благодарю вас.

Исидор. Не позволите ли сигару?

Маркиз делает отрицательный жест рукой.

Стаканчик портвейну?

Маркиз. Нет, благодарю вас.

Исидор *(садится к письменному столу)*. Да, маркиз, давно вы не оказывали мне чести быть у меня. Странно, ведь мы соседи и не ссоримся... а почти никогда не видимся. Раз в три года, не более.

Маркиз. Да ведь вы знаете — тысяча забот и препятствий. Никогда не располагаешь временем.

Исидор. Что и говорить!

Маркиз. А в последнее время приезд сына...

Исидор. Вы бы его привели без церемоний. Я был бы счастлив познакомиться с таким отважным путешественником, с храбрым спутником принца Орлеанского.

Маркиз. Он в настоящую минуту гостит у моей тетки в Перигоре.

Исидор. А! Доволен он своим путешествием? Не устал? Не схватил лихорадки?

Маркиз. Нисколько. Он в восторге от Тонкина. Говорит — охота там прекрасная. Особенно интересна охота на павлинов.

Исидор. В самом деле?

Маркиз. Опасна, но тем более интересна.

Исидор. А разве павлины там так свирепы?

Маркиз. Не павлины, разумеется, а тигры. Ведь павлины водятся только в тех лесах, где есть тигры. В Тонкине, где олень, там и тигр, а где тигр, там и павлин.

Исидор. Очень любопытно.

Маркиз. Не правда ли? Роберт уверяет, что охота на павлинов — огромное наслаждение.

И с и д о р. Я думаю... И какая прелесть — путешествия! Ничто так не обогащает молодых людей знаниями.

М а р к и з. Да, лучше проводить именно так молодые годы. В лесах Индо-Китая иной раз менее опасно, чем в парижских будуарах.

И с и д о р. Вы совершенно правы. Ведь где будуар, там женщина, а где женщина...

М а р к и з. Да-да-да!..

Смеются. Некоторая напряженность в разговоре сглаживается.

Милейший господин Леша, я, право, очень рад, что вижу вас. Кроме удовольствия, которое доставляет мне мой визит...

И с и д о р. Скажите лучше: нам, маркиз.

М а р к и з (*благодарит жестом*). Я хотел также поговорить с вами о важном деле...

И с и д о р. Я к вашим услугам.

М а р к и з. Вот в чем дело. Ликвидация Госселена... плохо подвигается. Нотариус, кроме того, пишет мне, что, к сожалению, нечего особенно надеяться на нее.

И с и д о р. Она ровно ничего не даст.

М а р к и з. Вы тоже так думаете?

И с и д о р. Да.

М а р к и з. Вот чего я боялся. (*Пауза.*) Это огромная потеря для меня, я очутился теперь в большом затруднении. Подошли как раз крупные платежи. А свободных денег нет... Да, я в стесненном положении и пришел просить вас одолжить мне еще двести тысяч франков.

И с и д о р (*очень спокойно*). Хорошо, поговорим, маркиз, поговорим.

М а р к и з. Вы не можете себе представить, как вы меня обяжете, дорогой господин Леша.

И с и д о р. У меня как раз под рукой ваши бумаги. (*С добродушным лицом.*) Посмотрим! (*Быстро перелистывает счета.*) Четыре обязательства по двести тысяч франков.

Одно в четыреста пятьдесят тысяч. Это — миллион двести пятьдесят тысяч франков. Проценты за два года — миллион триста двадцать тысяч франков. Правильно?

Маркиз. Совершенно правильно.

Исидор (*подняв голову и смотря в потолок, как будто вычисляя*). Да... да... мне очень жаль, маркиз, но на этот раз невозможно!

Маркиз. Вы мне отказываете?

Исидор. Я в отчаянии... но я отказываю...

Маркиз. Однако я принес вам самые лучшие обеспечения...

Исидор (*с гримасой*). Опять закладные?

Маркиз. Чего же лучше?

Исидор. Да ведь на вашей земле больше закладных, чем она сама стоит.

Маркиз. Извините, это не так.

Исидор. Земля у вас дурно возделывается, дурно содержится. Фермы разваливаются. Леса все повырублены. Если я выручу миллион, и то слава богу.

Маркиз (*поспешно*). Как вы выручите?

Исидор. Ну, вы понимаете, о чем я говорю.

Напряженная пауза.

Маркиз. Я могу дать вам и другие обеспечения. В первых, мое честное имя.

Исидор. Я знаю цену ему — и отдаю должную дань уважения. Но в делах такие ценности, увы, невесомы...

Маркиз. Потом... я имею долю в наследстве тетки моей де Собрез... Ей восемьдесят три года...

Исидор. Ох, уж эти ожидаемые наследства!.. По нашим временам...

Маркиз (*расстроенный, но не теряя достоинства*). Прекратим... (*Встает.*) Мне остается извиниться за беспокойство.

Исидор. Маркиз, прошу вас, присядьте!

Маркиз. Но...

Исидор. Прошу вас...

Маркиз опять садится. Маленькая пауза.

Маркиз, вы мне исключительно симпатичны. Уверяю вас, чрезвычайно симпатичны! И мне хотелось бы вывести вас из вашего бедственного положения.

Маркиз. Ну, еще далеко не бедственного!

Исидор. Да, скажем прямо — вы разорены.

Маркиз. Что вы, что вы, дорогой господин Леша! Никакой такой крайности нет.

Исидор. Со мной притворяться не надо, маркиз. Я знаю ваше положение не хуже вас. Быть может, лучше...

Маркиз. Мое положение не блестяще в данную минуту. Однако и не отчаянное.

Исидор. Отчаянное, маркиз. И знаете, сознаюсь, я давно лелею мысль присоединить ваше поместье к своему.

Маркиз (вскакивая). Что?

Исидор. Да, это моя мечта. И я могу осуществить ее завтра же, маркиз (показывает на счета)... если захочу... Но вы мне очень нравитесь. Я подумал, нельзя ли, не доводя дела до развязки, печальной для вас, но тягостной и для меня, — нельзя ли найти путь к любовному соглашению, найти мирную почву... нельзя ли поладить, как подобает порядочным людям...

Маркиз (осторожно, не понимая). Конечно! Я бы не прочь.

Исидор. Зависит от вас.

Маркиз. Что вы предлагаете?

Исидор. Великолепную комбинацию, маркиз.

Маркиз. Говорите.

Исидор (выдержав паузу). Нет, знаете ли, я, пожалуй, готов отказаться.

Маркиз. Объясните ее по крайней мере.

Исидор. Стоит ли?

Маркиз. Разве она так ужасна?

Исидор. Сделка.

Маркиз. Пожалуйста, говорите... Это не обязывает пока ни к чему.

Исидор. Ну, что же, если вы непременно хотите. Я не дипломат и не умею говорить недомолвками и обиньяками. Я иду прямо к цели, играю в открытую. Словом, у вас есть разоренный сын, а у меня очень богатая дочь. Чрезвычайно богатая.

Молчание.

Давайте-ка поженим их!

Маркиз (*встает*). Что вы сказали?

Исидор. Поженим их, маркиз! И так как я знаю всему цену, так как умею приносить необходимые жертвы, я возвращу вам и векселя на миллион триста двадцать тысяч франков, и вы получите беспспорные права на имение Порселла. (*Пауза.*) Но сядьте же, маркиз.

Маркиз садится.

Вы видите, что Исидор Леша, плут Леша, как его называют, умеет при случае поступать, как благородный человек.

Маркиз (*говоря сам с собою*). Это невозможно! (*Пауза.*) Вы говорите не серьезно?

Исидор. Простите меня, совершенно серьезно. И так же серьезно я думаю обеспечить моей дочери ренту в двести пятьдесят тысяч франков. Капитал я пока оставляю за собой. Ему в моих руках лучше. Мы с ним старые знакомые, ему со мной не плохо. (*Смеется.*)

Маркиз. Это торг?

Исидор. Благороднейшая сделка.

Маркиз. Вы хотите купить меня? Так и скажите — купить!

Исидор. Опять громкие слова! Маркиз, я хочу спасти вас от неизбежного разорения. Каково вам будет по-

кинуть ваше прекрасное поместье? Отказаться от вашей роскошной жизни! Что у вас останется, кроме больших долгов? Вас начнут таскать по судам. Описи, продажа с молотка, на родовом гербе будет стоять казенная печать! Хорошо, если после всех мытарств вы найдете себе место управляющего у какого-нибудь добряка-демократа... вроде меня. Я разорялся два раза. Невесело это... маркиз, очень!.. Но у меня все же есть энергия, находчивость. У вас — одна честь. Поверьте, плохая защита в таком несчастном положении.

Маркиз. Меня купить! Меня!

Исидор. Ну, что вы! Это не купля, это обмен. Всякое дело — обмен: люди меняют деньги на что-нибудь: на земли, титулы, на избирательные бюллетени, на ум, на общественное положение, на должности, на любовь, на гениальность, — словом, меняют, что имеют, на то, чего не имеют. Это совершенно законно и вполне честно.

Маркиз (смягчаясь). Но мой сын совсем еще и не думает жениться.

Исидор. Мало ли чего мы не думаем делать, и тем не менее делаем. Непредвиденные обстоятельства, житейская необходимость часто изменяют самые твердые наши намерения. Ах, маркиз, если бы вы слушались меня! Что за великолепные, что за чудные дела мы бы делали с вами вдвоем... Да, вспомнил, особняк... знаете, этот роскошный дом, который ваш покойный брат после разорения продал какому-то князю, он через несколько месяцев ведь снова будет продаваться.

Маркиз. Разве?

Исидор. А вы и не знали?

Маркиз. Нет.

Исидор (с приветливой улыбкой). Видите! Придется мне следить за вашими фамильными делами и извещать вас о них. Этот особняк я мог бы выкупить и положить его целиком со всей его обстановкой, со всеми

редкостями в свадебную корзинку моей дочери. Королевский подарок, не правда ли? Словом, чего бы только мы не сделали с вами! Соединившись узами крови, имея общие интересы, мы с вами вдвоем завоевали бы мир.

Молчание. Маркиз сидит в задумчивости.

Заметьте, что в нашем обмене вы дадите мне столько же, сколько я вам. Стало быть, полная обоюдная корректность. Если оценить на деньги вашу долю,— а так всегда и все нужно оценивать, ибо все имеет определенную денежную ценность,— ваша доля, пожалуй, выйдет больше моей. Стало быть, если кто кого и покупает, то никак не я вас, а скорее вы меня.

Маркиз смотрит на Леша с возрастающим изумлением.

Ну, да! Ну, да! это ведь очевидно. Во-первых, вы имеете большое влияние на генерала Брагара, вашего двоюродного брата... Выдающийся военный деятель!.. Его на-днях назначают начальником генерального штаба...

Маркиз. Вы все знаете!

Исидор (скромно). Таково уж мое ремесло, маркиз. Ваше влияние нужно мне, чтобы обеспечить себе расположение генерала в одном колоссальном деле. Оно немножко от него зависит, и, конечно, я вас к нему приобщу. (Таинственно.) У меня есть кое-какие планы государственной обороны. Генерал наверное одобрит их. Вы ведь не сомневаетесь, что я — добрый, преданный патриот? (С напыщенном жаром.) Чего другого, а уж патриотизма-то мне не занимать!

Молчание.

Затем у вас...

Маркиз. Что еще?

Исидор. Вы имеете влияние на выборах, хотя и не очень большое. Но на этот раз я хочу пустить в ход все!

шансы. Свое влияние вы употребите, конечно, в пользу моей кандидатуры. *(В ответ на жест изумления маркиза.)* Конечно, не во всеуслышание. Я не прошу вас ни расклеивать афиши, ни кричать на улицах и площадях: «Голосуйте за Исидора Леша!» Конечно, нет. Скрытое содействие — вот все, что нужно. Я вам скажу, как это делается. Раз моя кандидатура будет выставлена демократическим комитетом в Париже и я буду тайно поддержан правительством и партией роялистско-клерикальной, — мой выбор обеспечен.

Маркиз. Итак, сударь, вы покупаете не только мое имя, но и мой личный престиж, мое политическое влияние. Что еще?

Исидор. Вы меня, право, огорчаете, маркиз. Вы всему придаете грубый смысл, которого на самом деле нет. Вы затрудняете, даже делаете невозможным соглашение, которого я, конечно, желаю, но от которого откажусь, поверьте, без сожалений. *(Подчеркивая.)* Ведь у меня остается в утешение поместье Порселлэ, моя мечта.

Маленькая пауза.

Маркиз. Но ведь, если не ошибаюсь, вы выступаете на выборах с программой антиклерикальной, соперником герцога де Можы, а он мой друг, и я разделяю все его идеи.

Исидор. Ну, что значат наши программы! Раз человек выбран, о программах можно забыть. Сколько программ лежит под сукном!

Маркиз. Это возможно. Но вы выступаете непреклонным врагом церкви.

Исидор. Непреклонным? Вы меня удивляете, маркиз. В своих убеждениях люди еще бывают непреклонны, в делах же никогда. А хотя бы и так? Неужели вы думаете, что моя кандидатура, хотя я и антиклерикал, не будет приятнее для церкви, чем кандидатура вашего друга,

герцога де Можи, с его ожиданием чудес и с вечными призывами к пресвятой деве и святым?

Маркиз (*иронически*). Совершенно новая точка зрения.

Исидор. Это вечная и верная точка зрения. Что представляет собою ваш герцог? Он — прах, тлен, мертвечина! Церковь же... церкви! Вот что я вам скажу: святой церкви надоело тащить на буксире знать, потерявшую свой старый престиж и влияние и замурававшуюся в старых кастовых предрассудках. Вместо того чтобы служить церкви она с каждым днем все больше вредит ей своей популярностью и слабостью.

Маркиз (*пылаясь*). Что вы, господин Леша!

Исидор. Да, да, маркиз, это так. Церковь — вся в современности. Она не только не сопротивляется ей, она пронизывает ее. Она расчищает ей путь. Она работает без усталости, она двигает людьми, деньгами, взрывает целину. Она во всем участвует, все делает, ко всему приспособляется. У нее имеются не одни алтари, не одни чудотворные источники да исповедали. Лавки ее ломятся от товаров, банки ее полны золота, у нее есть свои конторы, свои заводы, есть газеты, правительства, которые она сумела сделать своими послушными агентами, своими смиренными приказчиками. Вы видите, что я воздаю церкви должное.

Маркиз (*иронически*). Я не знал, что вы так красноречивы.

Исидор. Я зорек, вот и все. Я человек моего времени. В старину церковь давала шпагу в руки дворян и посылала их на войну убивать других и самим умирать за нее. Но война изменила свою форму, а стало быть, переменила оружие. Теперь воюют руками рабочих и посредством денег. А дворянство не умело действовать ни тем, ни другим! Вот мы, демократы, и подобрали это оружие.

Маркиз. Подобрали в грязи и крови.

Исидор. Обчистить можно. Все счищается, даже плесень с ваших гербов. *(Пауза.)* Поймите же — именно в таких людях, как я, церковь ищет и находит своих естественных союзников. Мы с церковью — одной породы.

Маркиз. В вас нет никакого чувства величия.

Исидор *(прерывая его)*. Величие! Что такое величие? Одни слова, слова без всякого значения. Есть только одно, чем бывают велики люди, — деньги! Церковь знает это лучше, чем кто-либо.

Маркиз. Сударь, я не могу и не хочу продолжать с вами эту газетную полемику.

Исидор. И вы правы. Довольно философствовать. Философия ни к чему не ведет, и мы понапрасну теряем нить нашего разговора. Хотите держать со мной одно пари?

Маркиз. Нет! Так же, как не хочу заключать с вами никакого торгова.

Исидор. И правильно. Я ведь наверняка бы выиграл. Тогда ступайте, спросите у любого политика в рясе, спросите у них, ведущих за собой мир, — ведь вы имеете доверие к ним, не так ли? Спросите хотя бы только у вашего духовника, кто бы он ни был: какому союзнику отдать предпочтение — Исидору Леша, владельцу пятидесяти миллионов, но окаянному антиклерикалу, или вашему голоштанному герцогу де Можи? Поколеблется ли он хотя на минуту?

Молчание.

(Смотрит маркизу пристально в глаза.) Нет. А потом, спросите у него еще совета относительно всего, что я вам предложил... брака и прочего. И он вам скажет: «Сын мой, ты можешь, ты должен пойти на все во имя святой нашей матери церкви!»

Пауза.

Маркиз (менее уверенным тоном, несколько опустив голову). Возможно!

Исидор. Маркиз, когда вы вошли сюда, у меня было одно только желание — задушить вас одним движением руки. Я откровенен, как видите, я от вас этого не скрываю. Я радовался при мысли, что отниму у вас ваше поместье. Но потом, не знаю почему, вы мне понравились, вы тронули меня, право, тронули... говорю искренно. Тогда я стал раздумывать о другом средстве, о средстве все соединить — и мои планы, и мое удовольствие, и ваши интересы. (На иронические протесты маркиза.) Ну, да! И я такое средство нашел! Это вовсе не так уж плохо. Моя дочь прехорошенькая, у нее есть манеры, есть порода, и она неглупа, плутовка! Поищите-ка в вашем кругу, много ли найдется таких, как она. Попробуйте представить ее себе в вашем старом реставрированном дворце Порселлэ. Ведь настоящая принцесса из нее выйдет, маркиз!

Маркиз. Я никогда не сомневался в достоинствах вашей дочери.

Исидор. Ну, так за чем же дело стало? Не принуждайте меня возвращаться к моему первому проекту. Я был бы в отчаянии. (Экспансивно.) Сегодня я в хорошем настроении. Пользуйтесь им!

Маркиз (голосом все менее и менее твердым). Это невозможно. Это очень трудно.

Исидор. Почему трудно? Не вы первый соглашаетесь на такой брак.

Маркиз. Конечно.

Исидор. Ну, так что же?

Маркиз. Я не хотел бы сказать вам неприятное, милый Леша. Но, знаете, есть еще особенные причины.

Исидор. Например?

Маркиз. У вас в прошлом были некоторые неприятности с судом. Это не мое дело, но все-таки...

И с и д о р. Такова борьба! Ах, если бы раскопать подноготную многих состояний, ваших дворянских в особенности,—чего, чего тут не нашлось бы, маркиз! В сущности, вас смущает только общественное мнение людей вашего круга.

М а р к и з. Я не подчиняю своих действий мнению света.

И с и д о р. Нет? Но вы чувствительны к нему, вполне естественно. Так запомните: у кого деньги, о том и свет хорошего мнения. А будь вы герой или гений, но если у вас нет денег,—вы пропали. Нужно ли жалеть об этом? Посмотрите вокруг себя.

М а р к и з (*медленно, со смущенным видом*). Действительно, похлопотать у кузена Брагара. Здесь нет ничего предосудительного.

И с и д о р. То-то и есть. Напротив, нет ничего проще и корректнее.

М а р к и з. Что касается моего вмешательства в выборы...

И с и д о р. Тихонько, маркиз, тихонько. Не пугайтесь из-за пустяков. Все дело тут в такте, в чутье, так сказать.

М а р к и з. Да, но возникает, милейший Леша, кроме политического вопроса, и вопрос совести.

И с и д о р. Политический вопрос улажен. Церковью вы оправданы.

М а р к и з. Это еще не доказано.

И с и д о р. Уверю вас! Вы сами понимаете! Вопрос совести? Господи, разве не естественно с вашей стороны желать успеха отцу вашей невестки? (*Добродушно смеясь.*) Это как нельзя более нравственно. А семейное начало?

М а р к и з. Я не поговорил с сыном.

И с и д о р. А я разве говорил с дочерью? Дети на то и дети, чтобы повиноваться родителям. А потом, скажи-

те, маркиз, разве вы спрашивали согласия сына, когда во время его путешествия в Тонкин хотели устроить для него, без его ведома,— слух этот дошел до меня,— брак довольно-таки... скандальный?.. Хе-хе!

Маркиз. Сплетня... клевета...

Исидор. Возможно. Но это все же несостоявшаяся комбинация. К тому же наш милейший охотник за павлинами не будет столько раздумывать, как вы. Он, поверьте, очень плохо помирится с мыслью, что он разорен и должен зарабатывать хлеб, вместо того чтобы спокойно жить на чужой счет. Что до меня, маркиз, я не часто буду стеснять вас своей персоной. Я не попрошу вас ввести меня в жокей-клуб. *(Смеется и потирает руки.)* Ей-богу, нет. У меня другого рода честолюбие.

Маркиз *(с усилием)*. Ну, я посмотрю, подумаю...

Исидор. Нет, нет. Нужно, чтобы все это было решено, прежде чем вы уйдете отсюда... У вас то преимущество, что вы вдовец, стало быть, свободны в своих действиях... К тому же в подобных случаях иногда не нужно размышлять.

Маркиз. Однако дело очень важное...

Исидор *(перебивает, более жестким тоном)*. Кроме Порселла, которое я вам возвращаю, я обязуюсь дать двести тысяч франков и удовлетворить ваших других кредиторов.

Молчание. Маркиз стоит, опустив голову, и упорно смотрит в одну точку козра.

Маркиз!..

Маркиз взглядывает на Исидора, который держит палец на кнопке электрического звонка.

Могу ли я послать за женой и дочерью?

Маркиз *(с усилием)*. Хорошо. *(Медленно садится в кресло.)*

Исидор звонит. Входит лакей.

Исидор. Скажи барыне и барышне, что маркиз де Порселлэ и я просим их пожаловать сюда.

Лакей уходит. Маркиз сидит с неподвижным взглядом. Исидор ходит в глубине комнаты, заложив руки в карманы. Долгое молчание. Мадам Леша входит первая. Она смущена и боязливо смотрит на маркиза и мужа. Жермэн идет вслед за ней. При первом же взгляде она понимает, что происходит нечто необычное. При входе дам в кабинет маркиз встает и молча кланяется. Тревога мадам Леша с каждой минутой растет.

(Возвращается к своему письменному столу, на его лице выражение злого торжества.) Сядьте, дети мои. Маркиз де Порселлэ желает вам кое-что сказать.

Дамы садятся.

Маркиз (с усилием, глухим голосом). Сударыня, я имею честь просить у вас для моего сына, графа де Порселлэ, руки мадемуазель Жермэн Леша, вашей дочери.

Жермэн оборачивается к маркизу и пристально смотрит на него.

Мадам Леша (до-нельзя изумленная, бормочет). Что вы сказали? Но... я... (Не может говорить, озирается на всех.) Как вы сказали?

Исидор. Да что с тобой? У тебя просят руки Жермэн. Разве ты не слышала?

Мадам Леша. Как же, как же! Но у меня голова закружилась.

Исидор. Радость матери, маркиз, понятна. Ну, успокойся. (Дочери.) А ты, Жермэн?

Жермэн (встает). Вы оказываете мне много чести, и я не знаю, чем я ей обязана. Но я отказываюсь.

Маркиз (встает). Вы отказываетесь?!

Жермэн. Да.

Исидор. Ты отказываешься?

Жермэн. Да.

Исидор (*все низкое и вульгарное в его характере отражается на лице*). Ну же, ну? Это невозможно! Маркиз просит твоей руки для своего сына... руки просит!..

Жермэн. Я отлично понимаю — и отказываюсь... (*Маркизу*). Я сожалею, что отец даже и не подумал спросить меня раньше. Он избавил бы всех нас от тяжелой, унижительной сцены.

Исидор. Да нет же, маркиз. Дочь не расслышала... не поняла... Должно быть, удивлена, обрадована! Такая честь! Она, конечно, согласна!

Жермэн (*более едко*). Я не согласна. Зачем заставляете меня повторять одно и то же?

Исидор (*задыхаясь*). Как?.. Что?.. Что ты?..

Маркиз (*с горечью и обидой*). Вы находите, должно быть, дом Порселла недостойным вас?

Жермэн. Вы ошибаетесь, маркиз.

Исидор. Ну, вот, ну, вот, я же говорю.

Жермэн (*печально*). Дочь Исидора Леша не имеет права находить недостойным ее что бы то ни было. Нет, не то. Я отказываюсь, потому что я не свободна.

Исидор. Не свободна? Что ты там несешь? Ведь мать и я согласны...

Жермэн. Я не свободна.

Исидор. Почему?

Жермэн. Я не могу этого сказать здесь.

Исидор (*угрожающе*). Почему? Почему?

Жермэн. Ты хочешь знать?

Исидор. Да.

Жермэн. Я не свободна, потому что у меня есть любовник.

Общее смущение.

Исидор. Что? Что? Что ты говоришь? Да нет же, маркиз! (*Смеется со скрежетом*.) Вы видите, она шутит, дразнит, она сама не знает, что болтает. Любовник! У

моей дочери! Ха-ха-ха! Какова шутка! (*Наступает на дочь с угрожающим видом.*) Посмей повторить, посмей при отце!

Жермэн. У меня любовник! Любовник! Любовник! Сколько раз тебе это повторить?

Исидор. Ты лжешь!.. Она лжет... Говорю вам — лжет! Уверяю вас, маркиз, она никого не знает, никого не видит. Лжет она! (*Быстро меняя тон.*) Ну, миленькая моя Жермэн, шутка кончена, да? Ты хотела сыграть с нами комедию, позабавиться? Ведь тебе не верят. Скажи же, что это неправда!

Жермэн. Я сама выбрала себе любовника. Он мой, мой! Он не примешан ни к какой коммерческой афере, ни к какому расчету. Он весь мой, по своей свободной воле. (*Маркизу.*) Вы удивляетесь, маркиз? Я и сама понимаю, что это удивительно, нося фамилию Леша, быть женщиной, которую не покупают и которая не продается.

Исидор (*жене*). А ты чего стоишь, как пень? Вели ей замолчать!

Мадам Леша (*подавленная*). Господи, что же я ей скажу?

Исидор. Так это, стало быть, правда?

Мадам Леша. Ничего я не знаю. (*Вдруг вспомнив.*) Боже мой! Боже мой! Боже мой! (*Плачет.*) Да, да, это должно было случиться!

Исидор. Что? Что должно было?

Мадам Леша (*сквозь слезы*). Не знаю, не знаю!

Исидор (*ходит по комнате, швыряя мебель*). Дочь с ума сошла! Жена тоже! Обе сумасшедшие!

Маркиз собирается уходить.

Это невозможно! Невозможно! Тут недоразумение, клянусь вам, недоразумение, маркиз.

Маркиз. Мне остается только удалиться. *(Идет к выходу.)*

Исидор. Ничего, ничего, маркиз, я поговорю с ней. *(Провожая его.)* Ах, маркиз, вот работаешь для детей, собираешь миллионы ради их счастья, строишь чудные мечты, и вдруг!.. Но я улажу это по-семейному! Еще не то бывало, полноте!.. *(Шопотом.)* И если потребуется еще маленькая жертва с нашей стороны... вы понимаете... До завтра, господин маркиз.

Маркиз *(очень холодно)*. Мне кажется, сударь, что нам больше не о чем говорить с вами.

Исидор *(смотрит с минуту на маркиза и отворяет дверь в глубину)*. Вам так кажется?

Маркиз. Да. Прощайте, сударь. *(Хочет уйти.)*

Исидор его удерживает.

Исидор. Значит, между нами все кончено?

Маркиз молчит.

Хорошо, завтра, стало быть, исполнительный лист?

Маркиз *(колеблясь)*. Дайте по крайней мере поговорить с сыном. *(Уходит.)*

Исидор *(показывая ему кулак вслед)*. О, каналья! Будешь ты у меня валяться под забором!.. *(После небольшой нервной паузы.)* А теперь иди-ка ты сюда!.. *(Становится перед Жермэн, которая смотрит на него вызывающе.)* Не смотри на меня так, несчастная! На колени! Пока ты здесь под моей кровлей, ты подчиняешься мне! Сначала на колени, а потом вон! *(Грубо схватывает дочь за руки и хочет принудить ее стать на колени.)*

Жермэн борется и, наконец, освобождается от него.

Жермэн. Будь спокоен, я уйду отсюда. Не думай, что ты заставляешь меня уйти: я сама решила.

Исидор. Вот они, книги, гнусные книги! Что они сделали с моей дочерью!

Жермэн. Оставьте в покое книги! Оттолкнули меня от тебя не книги, а ты сам. Твоя дочь! Какая я тебе дочь? Мы никогда и десяти слов не сказали друг другу. И к чему было говорить? Ты ничего не понял бы из того, что я могла сказать тебе. А то, что ты мне говоришь, мне всегда противно.

Исидор. Да, да, я знаю, ты презираешь дела. Заметь — дела, но не деньги!

Жермэн. Когда я у тебя просила деньги? Я не хочу твоих подарков, не хочу твоих денег, не хочу ничего от тебя!

Мадам Леша (*вне себя от волнения*). Жермэн, он твой отец!

Исидор (*жене*). Оставь ее, оставь! (*Жермэн.*) А кто тебя воспитал? Кто вскормил?

Мадам Леша (*умоляющим голосом*). Друг мой, она твоя дочь.

Исидор (*Жермэн*). А твоя роскошь? Твои наряды?

Жермэн. Как только я выросла и начала соображать, как только смогла отдать себе отчет, откуда твое богатство, оно стало мне противным. Я отказывалась от твоих нарядов — они меня обжигали. Ведь все, что здесь есть, все покрыто слезами и горем. Ты грабитель! Грабитель!

Мадам Леша (*кричит*). Молчи! Молчи! Ах, несчастная дочь!

Исидор. Оставь ее. Она слишком глупа, чтобы меня понять. (*Пожимает плечами, сжав кулаки.*) И еще она же и обижена, она же нас ругает! (*Наступает на Жермэн.*) Ты такая же дура, как и негодяйка! Ты еще смеешь разговаривать?!

Жермэн. Мне не в чем упрекнуть себя!

Исидор. Значит, ты лгала тогда при маркизе?

Жермэн. Я сказала правду.

Исидор. Значит, мужчина... Это тебе не противно... госпожа добродетель?

Жермэн. Лучше самой выбрать, чем быть проданной.

Исидор. Довольно красноречиво, довольно грубить! Я еще и не таких, как ты, скручивал! Скручу и тебя, распутница!

Жермэн. Ты бессилен надо мной!

Исидор. Бессилен?

Мадам Леша. Друг мой, довольно!

Исидор (жсне). Это ты виновата!.. Я ее проучу, твою барышню! (Дочери.) Где ты его нашла? Где увидела?

Жермэн. Погоди немного, узнаешь.

Исидор. Да я тебя удавлю!

Жермэн (идет к двери, открытой на террасу, и воет). Люсьен! Люсьен!

Исидор (сперва удивленный этим криком). Люсьен?! Какой Люсьен? Гарро? Да нет же! Не может быть! Это сумасшествие!

Мадам Леша. Я должна была догадаться!

Входит Люсьен.

Люсьен. Да, Жермэн?

Исидор (с минуту цепенеет при виде Люсьена). Ты?! Ну, нечего сказать! Почти смешно! (Вдруг кидается на Люсьена с кулаками.) Разбойник! Разбойник!

Жермэн вступается. Люсьен отталкивает Исидора.

Люсьен (спокойный и сильный). Осторожней, судары! Я сдерживаюсь, сколько могу. Но предупреждаю вас, что слишком много вам не позволю.

Исидор. Ты тоже наставления мне читать? Бандит! Соблазняешь богатых невест? Но деньги мои еще не в твсем кармане!

Люсьен. Никто не покушается на ваши деньги!

Жермэн. Он сам отлично знает.

Исидор. Как же! Как же! Разумеется! Классический прием. Случился грешок. Поправим его по-семейному и прикарманим миллионы папаши Леша. Так, что ли? Ну, нет! Ошибаешься в расчете!

Люсьен. Вы ошибаетесь — я никаких расчетов не делал!

Исидор. Разумеется!

Люсьен. Жермэн отказывается навсегда от своей доли в вашем состоянии.

Жермэн. Я давно отказалась!

Исидор. Плевать мне на ее отказ! (Люсьену.) Я сам лишаю ее наследства! И не воображай (указывает на Жермэн), — она-то ничего не смыслит, но ты, ты не воображай, что нельзя лишить свою дочь наследства. Есть закон, но есть и законники. Я с ними обдeldывал штуки и потруднее.

Жермэн. Я вполне в этом уверена.

Исидор (Люсьену). И никогда ни гроша, — слышишь? — никогда ни гроша она от меня не получит!

Жермэн. Тем лучше!

Исидор. Хотя бы она когда-нибудь пришла умолять меня, — а она придет, и скоро! — хотя бы околевала от нищеты у моего порога...

Жермэн. Нищета! Лучше нищета, нежели жить в этом замке.

Исидор. Дура, дура! И это — моя дочь! (Маленькая пауза.) А он — единственный человек, которого я любил!.. Как же я был глуп! (Люсьену.) Слушайте, Гарро. Вы не имеете права. Подумайте!

Люсьен. Все обдуманно.

Исидор. Ты не дурак. Слушай, что ты будешь делать?

Люсьен. Буду работать.

Исидор. Какие-нибудь двести франков в месяц! А дальше? Я тебя ведь знаю, ты мечтатель. Никогда ты не сумеешь нажить деньги...

Люсьен. Деньги не все на свете.

Исидор. Деньги не все? Да ведь он говорит совсем как она, честное слово! Раньше ты не был так глуп... Заразила она тебя, что ли, своей глупостью? *(Подходит к Люсьену ближе.)* Это невозможно! Я был честолобив ради нее! Я строил такие прекрасные планы ради нее! Ведь дочь же она мне! Должна же она была чем-нибудь послужить мне в жизни! Ах, почему я не сломал себе ногу в тот день, когда я тебя вытащил из грязи! Ведь ты не станешь отрицать, что я тебя вытащил из грязи?

Люсьен. Я знаю, чем я вам обязан.

Жермэн. Ты не обязан ему ничем, кроме сдачи книг.

Исидор. Молчи! Во-первых, я запрещаю тебе говорить ему «ты» в моем присутствии, а во-вторых... *(Люсьену со взрывом гнева.)* Ты хочешь денег? Говори прямо и назначай цену. Я заплачу!

Люсьен. Вы с ума сошли!

Исидор. Ты можешь похвалиться, что первый сумел посредством шантажа вытянуть деньги у старика Леша! Назначай цену!

Люсьен. Всякому терпению есть границы!

Исидор. Так тебе не деньги нужны? Нет? Стало быть, любовь? *(Смотрит на них, потом зловще хохочет.)* Дурачье же вы, дурачье! И я то хорош! Мне-то какое собственно дело до вас? Да наплевать мне! Уходите! Уходите к чорту! Дурак и сумасшедшая! Славная парочка! Идите околевать с голоду, куда хотите! Это будет моей мезью, моим наслаждением.

Жермэн. Иди, Люсьен! Я пойду за тобой.

Люсьен удаляется. Исидор ходит по комнате в звериной злобе, толкая стулья.

Мадам Леша (*умоляюще*). Послушай, мой друг!

Исидор. А! Ты проснулась, наконец! У тебя крадут дочь, а ты сидишь, как бревно!

Мадам Леша. Друг мой, послушай!..

Исидор. Гарро!.. Гольтьба! Проходимец! (*Стучит кулаком по письменному столу.*) Если бы это случилось... ну, не знаю с кем!

Мадам Леша. Слушай! Ты ничего не поделаешь бранью. Нельзя говорить со своими детьми, бранясь. Ты же владеешь собой. Дай мне поговорить с нею.

Исидор. Тебе нечего ей сказать.

Мадам Леша (*немного тверже и резче*). Почему ты знаешь? Оставь меня на минуту одну с Жермэн.

Исидор. Оставайтесь, чорт с вами! Но чтобы ее духа здесь не было! (*Уходит, хлопнув дверью.*)

Мадам Леша (*смотрит на дочь с жалостью*). Жермэн!.. Моя маленькая Жермэн!.. (*Идет к ней с распростертыми объятиями.*) Моя маленькая Жермэн!..

Жермэн (*сдерживается, потом бросается в объятия матери*). Мама!.. Мама!..

Обс плачут.

Мадам Леша (*берет в руки голову Жермэн и целует ее*). Нет, Жермэн, ты не уедешь отсюда. Ты меня не оставишь! Скажи мне, что ты меня не оставишь!

Жермэн. Не проси меня об этом, мама. Поздно.

Мадам Леша. Нет, нет, Жермэн! Не говори так... И потом. Не сейчас, не сегодня... отец слишком раздражен. Но завтра... скоро... через несколько дней я поговорю с ним. Я дам ему понять... И он меня послушает. Да, да,

послушает, обещаю тебе... И он согласится на твой брак с господином Гарро.

Жермэн. Он никогда не согласится.

Мадам Леша. Уверяю тебя. Твой отец...

Жермэн. Не говори мне об отце.

Мадам Леша. Ну, хорошо, не буду. Но ты останешься со мной? Да?

Жермэн. Мама, не проси у меня этого. Я должна уехать.

Мадам Леша. Нет, нет! Не уезжай! Не уезжай! Что же будет со мной? Одна... в этом доме... Одна!.. В мои годы!.. Подумай... Да я умру... Не оставляй меня здесь одну.

Жермэн. Поезжай с нами... Тебе с нами будет лучше!

Мадам Леша. Увы, невозможно! Я прожила всю жизнь рядом с ним. Я должна рядом с ним и умереть. Я не могу его бросить. Грех! *(Пауза.)* Да, да! Теперь я хорошо поняла... Тебя недостаточно любили, бедная моя девочка. Тебя не любили, как следовало. Мы виноваты... Я особенно... Теперь я раскаиваюсь!.. Но и ты сама немного виновата. Ты всегда бывала так грустна со мной... так замкнута... Иногда это меня раздражало... и я разговаривала с тобой резко... Я не знала тебя, твоей души. И все-таки я тебя любила. А теперь я тебя буду любить... буду любить... буду любить...

Жермэн. Я тоже не знала тебя.

Мадам Леша. А теперь...

Жермэн. Теперь поздно...

Мадам Леша. Боже мой!.. Возможно ли? Ах, если бы мы жили в маленьком домике, этого не случилось бы. Все из-за замка, из-за больших холодных комнат, из-за роскоши, из-за денег, из-за всего этого пустого шума. Здесь не слышно, как бьется сердце! Боже мой, боже мой! Я нашла дочь в ту минуту, когда потеряла ее! *(Плачет.)*

Мне так много хотелось тебе сказать... а теперь я уже не знаю... У меня точно туман перед глазами... (Обнимает дочь.)

Жермэн. Мама... дай мне уехать.

Мадам Леша. Нет... нет... не уезжай! Не уезжай еще... Я прошу тебя... завтра... после... через несколько дней... Не покидай меня сегодня!.. Сегодня не оставляй меня одну!..

Жермэн. Я не хочу, чтобы отец застал меня здесь. У меня больше нет злобы... Дай мне уехать. (Освобождается из объятий матери.)

Мадам Леша (сквозь слезы). Боже мой, боже мой!.. Ты будешь мне писать. Обещай мне. И если ты едешь в Париж, сейчас же сообщи мне свой адрес.

Жермэн. Да, да, мама.

Мадам Леша. Я буду приезжать к тебе. Никто не будет знать. Я никому не скажу. А если ты заболеешь... у тебя нет денег. А он ведь тоже небогат... Что вы будете делать? (Как бы вспомнив что-то.) Значит, эти триста франков...

Жермэн. Нет же. нет, мамочка!

Мадам Леша. Когда тебе что-нибудь нужно будет, напиши мне.

Жермэн. Прощай, мама.

Долгие объятия. Жермэн освобождается и убегает.

Мадам Леша. Жермэн! Жермэн! Не уезжай, не уезжай!.. (Смотрит вокруг себя и, как бы испуганная всем окружающим, тяжело опускается в кресло.)

Пауза. Входит Исидор со злым лицом, глядя исподлобья, заложив руки в карманы.

(Не поднимая головы.) Уехала...

Исидор. К чорту!

Мадам Леша (*поднимая глава на мужа*). Все, что ты можешь сказать?

Исидор (*со злым выражением*). А что же еще прикажешь?

Мадам Леша. Ну, позови же ее! Скажи ей что-нибудь, крикни ее...

Исидор. Могу сказать ей, чтобы поскорей убиралась к чорту, — вот все, что я могу ей сказать.

Мадам Леша (*встает*). Во всем, что произошло, ты виноват, слышишь ли, ты! (*Хочет уйти.*)

Исидор. Не стесняйся! Если хочешь уехать вместе с ней — скатертью дорога!

Мадам Леша (*оборачиваясь*). Ты стоишь того, чтобы я тебя послушалась! Может быть, я так и сделаю. (*Уходит.*)

Исидор. И дочь и мать против меня... Но сын со мной! Мне довольно моего Ксавье... Моя гордость! Ксавье... (*Садится перед письменным столом, с минуту думает, потом разбрасывает бумаги на столе.*) Так-то, маркиз! Ты думаешь, все кончено? Как бы не так! Мы еще посмеемся!

Управляющий и поспешно входит через дверь кабинета. У него расстроенный, растерянный вид.

Управляющий и. Сударь!.. Сударь!..

Исидор. Что нужно?

Управляющий и. Несчастье!.. Ужасное несчастье!..

Исидор (*все еще не шевелясь*). Я запрещаю тебе говорить о моей бывшей дочери. Не твое дело.

Управляющий и. Ваш сын...

Исидор. Не сын, а дочь... старый ты дурак... поступила подло... Запрещаю тебе говорить!..

Управляющий и. Я не о вашей дочери...

Исидор. Она уехала...

Управляющий и. Да нет же, сударь, нет!

Исидор. Ты с ума сошел!.. Помешался ты, что ли?

Управляющий. Вы не понимаете, сударь, ваш сын...
(С усилием.) Господин Ксавье... Из Остенде звонили по телефону...

Исидор. Ну, да, он сегодня участвует в гонках... Он первый пришел к финишу? Не правда ли?

Управляющий. Да, он первый шел... шел на бешеной скорости...

Исидор. С рекордом... сто двадцать пять? Не правда ли?

Управляющий. Да... но он разбился.

Исидор. Что?!

Управляющий. Насмерть...

Исидор не шевелится, все еще закрывая руками голову. Очень долгое молчание. Наконец, поднимает голову и смотрит на управляющего, как бы удивляясь, что он тут.

Исидор. Что ты такое говоришь?

Управляющий. Господин Ксавье разбился насмерть. Он развил ужасную скорость...

Исидор вскочил и одним прыжком очутился около управляющего, схватил его за горло.

Исидор. Что ты такое сказал, идиот?! (Трясет его.)

Управляющий отбивается.

Болван!.. Посмей повторить, что ты сказал!..

Управляющий (хриплым голосом). Простите меня, сударь...

Исидор (выпустив управляющего). Ну, говори!

По мере того как управляющий говорит, глаза Исидора расширяются от ужаса, все лицо искажается.

Управляющий. Автомобиль господина Ксавье на полной скорости перевернулся. Господин Ксавье был убит наповал.

Исидор. Что?!. Что?!. Что?!

Управляющий. Тело будет доставлено через десять минут.

Исидор, дрожа, с блуждающим взором, с гримасами, как у эпилептика, рот его почти парализован, не может больше говорить. Разорвал ворот у сорочки и обнажил грудь. Белый воротничок, поднявшись, лежит двумя белыми рогами на его щеках. Он шатается и тяжело падает в кресло.

Судары!.. Судары!..

Исидор. Все потерял... в один день. Все потерял. Где жена?

Управляющий. Я не решился сказать ей.

Исидор. Да, да. *(Пауза.)* В один день. *(Пауза.)* Воздуха... Дай воздуха... Задыхаюсь...

Управляющий открывает окно, помогает Исидору добраться до окна. Исидор жадно дышит.

Управляющий. Ну, как вам?

Исидор. Лучше. *(Дышит. Пауза.)* Ну, теперь хорошо. Я пойду туда.

Управляющий. Вы не сможете.

Исидор. Ничего, уже прошло. *(Делает несколько шагов.)*

Управляющий хочет поддержать его.

Не надо! Оставь меня. *(Идет пошатываясь.)*

Открывается дверь, входят Фэнк и Грег.

Управляющий. Присядьте, сударь, сами видите — вы не можете идти. *(Подает ему кресло.)*

Фэнк и Грег расстроены.

Грег. Ах, какое несчастье!

Фэнк. Мы приносим вам наше сочувствие, глубокое сочувствие!

И с и д о р. Ах, друзья мои, друзья мои!

Г р е г. Такой молодой...

Ф э н к. Мы хотели бы вас утешить...

И с и д о р. Я все потерял в один день.

Г р е г. Одно лишь время исцелит.

Ф э н к. Такой прекрасный молодой человек!

Исидор кивает головой.

Подумаешь, только что он был здесь, полный жизни, только вчера...

И с и д о р. Друзья мои...

Г р е г. Вы так его любили!

И с и д о р. Да, милые друзья... *(Пожимает им руки.)*

Ф э н к. Простите нас, но мы вынуждены на минуту потревожить вашу скорбь.

Г р е г. Конечно, мы знаем, как тяжело заниматься делами в такие моменты. *(Вынимает из кармана и раскладывает два листа бумаги.)* Если бы нам не нужно было сегодня же ехать, поверьте...

Исидор напряженно смотрит на Грега и Фэнка. Грег подает ему лист бумаги.

Ф э н к. Вот условие, которое вы нас просили написать.

Исидор молчит.

Помните?

И с и д о р. Нет, нет, не сегодня... Оставьте меня в покое.

Г р е г. Мы позволили себе просить вас...

И с и д о р. Нет, оставьте меня в покое. *(Пауза.)* Ладно, давайте. *(Берет бумаги.)*

Г р е г. Мы написали все, как вы сказали.

И с и д о р *(читает; его рука еще дрожит; прочитав, смотрит на своих компаньонов страшным взглядом; до конца сцены голос его глух и дрожащ)*. Вы — канальи!

Фэнк. Как?!

Исидор. Воры!

Грег. Позвольте!..

Исидор. Вы рассчитывали на мою слабость, хотели спекулировать на моем горе. *(Встает и идет к письменному столу все еще неуверенным шагом.)*

Грег. Я не понимаю вас.

Исидор. Идите сюда!

Фэнк. Разве мы забыли что-нибудь упомянуть?

Исидор. Вы забыли, что перед вами Исидор Леша. Пожалуйста сюда. *(Кладет перед каждым из них по листу бумаги, дает каждому по перу.)* Пишите!.. *(Показывает пальцем, где начинать.)* Пишите же! То, что вы забыли... *(Диктует.)* «Господину Исидору Леша предоставляется исключительное право финансового руководства и коммерческого управления всем указанным делом...» и... «господа Грег и Фэнк, отказавшиеся от всяких прав в этом отношении, не могут никоим образом участвовать в управлении, не могут препятствовать никаким распоряжениям...»

Лакей порывисто входит.

Лакей *(испуганно)*. Сударь! Тело господина Ксавье несут сюда. Барыня лежит в большой зале.

Управляющий *(умоляя)*. Сударь!..

Исидор *(голос его еще больше меняется; чтобы не упасть, обеими руками удерживается за письменный стол)*. Я иду! Иду!

Управляющий и лакей уходят.

(Продолжает диктовать.) «...никаким дальнейшим распоряжениям, какие господин Леша сочтет полезными для блага дела». Вот и все! Подписывайте!

Грег и Фэнк подписывают.

Давайте! (Схватил обе бумаги, перечитывает их, тоже подписывает, молча дает один экземпляр Фэнку, потом складывает свой лист, кладет его в карман и, не кланяясь, с трясущимися ногами, шатаясь, идет к двери, на ходу цепляясь за мебель.)

Инженеры, ошеломленные, следят за ним глазами, не находя слов.
Они застыли.

ЗАНАВЕС

К О Н Е Ц

Редактор С. Кирьяков

Подписано к печати 2/IV 1941 г.
А 37862. „Искусство“ № 2435. Код.
печ. лист. 3. Уч.-авт. лист. 3.95.
Печ. знак. в 1 печ. лист. 58.900.
Тираж 5000 экз.

Цена 2 руб.

Тип. „Красный печатник“ Гос.
изд-ва „Искусство“. Москва,
ул. 25 Октября, 5.
Заказ 281